

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет гуманитарных наук
Группа междисциплинарных исследований автобиографии*

Тезисы международной конференции

**Автобиографические сочинения
в междисциплинарном исследовательском
поле: люди, тексты, практики**

**1-2 июня 2016 г.
Москва, ул. Мясницкая 11**

Конференция проводится в рамках проекта № 16-05-0001 Научного
фонда НИУ «Высшая школа экономики»

Москва 2016

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики. Тезисы
международной конференции. Ред. и сост. Е.К. Карпенко. М.: Изд.
дом Высшей школы экономики, 2016.

© Коллектив авторов, 2016

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреа Гуллотта/Andrea Gullotta. Русские автобиографические тексты: взгляд с Запада (Несколько успешных примеров из опыта работы журнала AvtobiografiJA).....</i>	<i>10</i>
<i>Агеева Е.А. «Настоящий христианин, по прозвищу старовер по вере моих родителей»: автобиографии старообрядцев XIX – XX вв.....</i>	<i>11</i>
<i>Алташина В. Д. «Автофикциональный пакт»: пустые ячейки таблицы Ф.Лежена.....</i>	<i>13</i>
<i>Белова А. В. Женские автодокументы как источники по истории повседневности.....</i>	<i>15</i>
<i>Биланчук Р.П. «Летописец о препровождении малолетних настоящих сея жизни» Матвея Стефанова сына Жданова (1661–1736).....</i>	<i>18</i>
<i>Божков О.Б., Игнатова Три основных фактора успешности междисциплинарного исследования.....</i>	<i>20</i>
<i>Бурина О.А. «Дневник Феликса Платтера. Проблемы перевода».....</i>	<i>22</i>
<i>Волошина С.В., Литвинов А.В. Жанрово-стилистические особенности делопроизводственной автобиографии XX века.....</i>	<i>24</i>
<i>Воробьева Е.И. Биография современного поэта в свете биографического интервью: трансформация нарратива.....</i>	<i>27</i>
<i>Глебкин В. В. Автобиографии в проблемном поле когнитивной науки.....</i>	<i>30</i>
<i>Голодяев К.А. Три штриха к истории.....</i>	<i>32</i>

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

<i>Грамотчикова Н.Б.</i> Стихи и проза в (авто)биографиях и «родословных»: функциональный аспект.....	36
<i>Демкова Н. С., Луц С. А.</i> Неизданная рукопись воспоминаний врача С. Д. Чечулина (1866–1940) «Ежегодник моей жизни».....	37
<i>Дорофеев Д.Ю.</i> Антропология античных автокоммуникаций: специфика личного автобиографического самосознания.....	40
<i>Егорова О.В.</i> Исследование этнографии детства чувашей по автобиографическим материалам.....	43
<i>Енина Л. В.</i> Я как все, или практики коллективной идентификации в портретных интервью.....	45
<i>Зайцева Ю. Е.</i> Автобиографический Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности.....	47
<i>Золотухина-Аболина Е.В.</i> Философская автобиография: опыт Ж.-П. Сартра.....	50
<i>Килин А.П.</i> «Автобиография в структуре судебно-следственных дел Уральского областного суда (1923–1934 гг.)».....	52
<i>Клочкова Ю.В.</i> Мемуары Софьи Семеновны Чекиной, театрального деятели 1920-30-х годов: биография без автобиографии.....	54
<i>Козлов А.Е.</i> Семиотика конфликта в мемуарах петрашевцев.....	57
<i>Крстьянинов А.В.</i> Автобиография Е. А. Малова: миссионерские тексты и практики.....	59
<i>Кулакова И.П.</i> О причинах обращения россиян XVIII века обратиться к жанру дневника.....	62
<i>Левченко Т.В.</i> Критик Федор Левин (1901-1972). Неизвестные документы об автобиографии.....	66

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

<i>Липасова А.Н.</i> Современное российское отцовство: автобиографические нарративы.....	68
<i>Мартынов И.А. Кузовкин Г.В.</i> Александр Солженицын и Андрей Сахаров: две модели визуальной [авто]биографии	70
<i>Мартынова Л. А.</i> Трансформация или углубление: образ А.П. Чехова в автобиографической литературе современников. Л.А. Авилова «А.П. Чехов в моей жизни».....	73
<i>Масленникова А. В.</i> Черты пространства и времени как средство характеристики «абстрактного автора» в романе «Дар» В.В. Набокова.....	75
<i>Минеева И.Н.</i> II Мировая война в юношеском дневнике В.А. Горной: травма — образ — нарратив.....	78
<i>Михайлова М.В., Рампаццо К.</i> Автобиографический компонент в эпистолярной: письма Г.И. Чулкова к жене и возлюбленной.....	80
<i>Наумова М.М.</i> Детские свидетельства о себе в журналах «Пионер» и «Чиж» 1930-х гг.....	82
<i>Пендюрина Л.П.</i> Научная автобиография В. Гейзенберга: понимание Я и концепт основных идей.....	84
<i>Попова А. В.</i> Особенности реализации исповедальной интенции в «Истории моей жизни» Жорж Санд.....	86
<i>Почекаев Р.Ю.</i> «Миссия в Хиву и Бухару» графа Н.П. Игнатьева: роль одного дипломата в среднеазиатской политике России по его собственным мемуарам.....	89
<i>Родионова Н.А.</i> Сакральное и профанное в переписке генерала А.А. Брусилова с женой периода Великой войны.....	92

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

<i>Rollings T. The Romantic Scholar: The Self-representations of Chernyshevsky as a Student.....</i>	<i>95</i>
<i>Рощин М.Ю. Переплетение жизни и науки на страницах автобиографической записки В.А. Иванова (1886 – 1970).....</i>	<i>96</i>
<i>Рыбина М.С. «Ленинградская тетрадь» Р.Г. Назирова как проект автобиографии.....</i>	<i>98</i>
<i>Рымаренко О.С. Диалоги между текстами – автобиографии выдающихся физиков в контексте популяризации науки и научной деятельности.....</i>	<i>100</i>
<i>Салихова А.Б. Itaya Tomoaki. Автобиографическое в памяти о пространствах: идентичность, феноменология и функции воспоминаний.....</i>	<i>103</i>
<i>Салманова И.Ф. Феномен Льва Толстого-автобиографа.....</i>	<i>106</i>
<i>Солоед К.В. Психоаналитический метод в исследовании автобиографий людей, пострадавших от репрессий в СССР и нацистской Германии.....</i>	<i>109</i>
<i>Терещенков Л. Е. Метод «вызывания воспоминаний» в практике Истпарта.....</i>	<i>111</i>
<i>Черепанова Р. С. Автобиографический текст как предмет нарративного и дискурсивного анализа.....</i>	<i>113</i>
<i>Шаманаев А. В. Н. Н. Мурзакевич «Автобиография»: структура, сюжеты, контекст.....</i>	<i>115</i>
<i>Шевчук Ю.В. Лирика А. Ахматовой 1950–1960-х годов: подведение итогов жизни и творчества.....</i>	<i>118</i>

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

<i>Шуринова Н. С.</i> Косвенный адресат в «Дневниках странной войны» Ж.-П. Сартра.....	120
<i>Шушпанова З. В.</i> «Страданиям моим нет конца и нет меры...»: трансформация религиозного чувства в «Дневнике русской женщины» Елизаветы Александровны Дьяконовой.....	122
<i>Юшкова Е. В.</i> Псевдобиография и реконструкция подлинной биографии: Виктор Серов и книга “To whom it may concern” (1931)...	124

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

Андреа Гуллотта/Andrea Gullotta

(Университет Глазго/ University of Glasgow)

***Русские автобиографические тексты: взгляд с Запада
(Несколько успешных примеров из опыта работы
журнала AvtobiografiЯ)***

Autobiographical studies have immensely developed over the last few decades. Other than the creation of an association (International Auto-Biography Association) that has hundred of members and three chapters around the world (IABA Europe, IABA Americas and IABA Asia-Pacific) and of several journals and books devoted to the study of autobiographical texts and documents, such an immense development of the field has generated also the creation of new critical terms, approaches and understandings that have completely changed the idea of what today we conceive as "autobiographical". Russia so far has had some troubles in joining this "critical revolution", remaining mainly anchored to the outstanding tradition of autobiographical studies generated in Soviet times and developed further after the collapse of the USSR. My colleague Claudia Criveller (University of Padua) and I have created in 2012 "AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture", a journal that has the specific aim of connecting these two traditions in order to foster autobiographical studies in Russia with Western approaches and abroad with Russian methodologies and materials. During my talk I will discuss some of the articles that show how insightful and fertile such an approach can be.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

Агеева Е.А.

*Музей истории МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва.*

**«Настоящий христианин, по прозвищу старовер по вере
моих родителей»: автобиографии старообрядцев XIX – XX
вв.**

1. Автобиографическая традиция старообрядчества, восходящая к протопопу Аввакуму, в дальнейшем надолго угасает, что, видимо, связано, со слабым развитием саморефлексии в дораскольной Руси, а также преследованиями староверов.
2. Автобиографические сюжеты можно обнаружить в следственных делах, или крайне редко сохраняющейся переписке, часто зашифрованной.
3. Подобные источники позволили восстановить биографии выдающихся деятелей староверия писателя, духовного отца федосеевского согласия Сергея Семеновича Гнусина (1765-1839) и Геннадия епископа пермского (1825-1892). Выявленные материалы позволяют сформулировать определённые различия в их жизненных стратегиях.
4. Гнусин, бежавший с южно-уральских осокинских заводов и скрывавшийся в московском Преображенском богаделенном доме, трудами своих духовных оппонентов, представал вплоть до начала XXI века в облике «ложной семиименной особы». Обнаруженные в Историческом архиве Москвы ряд дел,

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

посвященных известному конфликту между федосеевцами – убежденными сторонниками девственного жития и новоженцами, среди которых находился и записанный следствием рассказ Гнусина о себе и своем жизненном пути, не отличается полнотой. Сергей Семенович, проведший на Соловках 16 лет, никогда не рассказывал о своих чувствах и не прибегал к просьбам о помиловании. Не раскрывают личных размышлений и сохранившиеся в частной коллекции письма из заточения, написанные при его участии, в основном, его соузником Иваном Федотовым.

5. Епископ Геннадий, также выходец из уральских заводов, с юных лет претерпевавший испытания, и на следствии, и в письмах, отправляемых с верными людьми из тюрьмы Суздальского Спасо – Евфимиева монастыря, где он провел 18 лет, на Рогожское кладбище, достаточно подробно освещает свой жизненный путь, надеясь, что они дойдут до влиятельных людей, в числе которых были не только известные и влиятельные деятели староверия, такие как Свешниковы, Морозовы, И.И. Шibaев, но и Л. Н. Толстой – известный защитник несправедливо пострадавших.

6. Ситуация меняется с выходом Закона о свободе вероисповедания. Вплоть до конца 1920-х гг. бурно развивается рукописная старообрядческая литература, где порой находят место и автобиографические рассказы. Открытие её и изучение связано с многолетними археографическими экспедициями, в том числе и Московского университета.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

7. В 1980-х гг. Ананием Клеоновичем Килиным (1916-2002) по просьбе археографов МГУ, и в соответствии с его горячим желанием рассказать новым поколениям о жизни своих единомышленников, было написано автобиографическое повествование «Коллекционировании жизненных явлений или повесть дней и страстей XX века». В сочинении Килин осмысливает свой жизненный путь через историю согласия «староверов-беспоповцев, не приемлющих общин», и, шире, историю страны.

*Алташина В. Д. СПбГУ,
г. Санкт-Петербург*

«Автофикциональный пакт»: пустые ячейки таблицы Ф.Лежена

Автовымысел (autofiction) в настоящее время представляет собой наиболее востребованную повествовательную стратегию французской литературы. Серж Дубровски, предложивший этот неологизм в 1977 году, определил его как «вымысел об абсолютно реальных событиях». Автовымысел – жанр литературы, определяемый «оксюморонным пактом», сочетающим два противоположных типа повествования: с одной стороны, это повествование, основанное, как и автобиография, на принципе трех совпадений: автор является рассказчиком и главным героем, а с другой, - на вымысле в повествовательной стратегии и паратексте (заглавие, жанр). Автовымысел, который называют также «личный роман», основан на смешении рассказа о реальной жизни автора и фиктивного модуса повествования, когда

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

возможно употребление третьего лица, имена собственные и названия мест могут быть изменены, события представлены или модифицированы, где большое место уделено подсознанию.

Как замечает А. Женон, «Автовымысел – не просто новый литературный жанр, но средство, которое личность нашла для самопознания, для того чтобы отказаться от идеи однозначной истины и взять на себя ответственность за свои внутренние надрывы. Как писал Серж Дубровски в «Разбитой книге» «Если пытаюсь вспомнить о себе, то я себя изобретаю». Автобиография нашего времени будет автовымыслом или не будет вовсе...»¹

По определению Ф. Лежена, автовымысел представляет собой «довольно зыбкое пространство между автобиографией и романом». В своей работе «Автобиографический пакт», вышедшей за два года до рождения нового термина, Лежен предлагает таблицу, представляющую возможные отношения между романом и автобиографией, три ячейки которой остались незаполненными – именно в них попадает автовымысел.

Имя героя Пакт	имени	= 0	= имени автора
Романный	Роман	Роман	
0	Роман	Не определен	Автобиография
Автобиографический		Автобиографи	Автобиография

¹ Autofiction: pratiques et théories. Articles. Paris: Mon petit éditeur, 2013. P.11

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

В докладе выделяются характерные черты автовымысла на основании анализа наиболее показательных текстов современных французских писателей (лауреаты Нобелевской премии Ж.-М. Леклезьо и П.Модиано, Ф.Соллерс, П.Мишон, Д.Пеннак, М.Уэльбек, Ф.Бегберер, А.Эрно и др.) с опорой на теорию автобиографического пакта Лежена.

Summary

The term "Autofiction", created by S.Doubrovsky in 1977, became very popular in French literature at the turn of the 21st century. It means that the modern tendency is to balance between Fact and Fiction, History and Story. Ph. Lejeune in his famous essay "The *Autobiographical Pact*" (1975) proposes a table of different possible relations between novel and autobiography with three vacant boxes where we can put autofiction. Many texts of modern French authors are the basis for determining the characteristics of this new genre.

Белова А. В.

Тверской государственный университет,

г. Тверь

Женские автодокументы

как источники по истории повседневности.

Институционализация и академизация истории повседневности как нового научного направления в пространстве российской историографии привели к повышению значимости источников личного происхождения и усилению дискуссионности вокруг

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

используемых для их обозначения научных терминов. Наряду с наименованием «*ego*-документы» (Н.Л. Пушкарева), в современном литературоведении они рассматриваются в качестве «автодокументов», или «автодокументальных жанров», то есть текстов с «установкой на подлинность» (И.Л. Савкина). Цель доклада – понять информационные возможности женских автодокументов как источников по истории повседневности.

При комплексном анализе проблем женского автодокументального дискурса XVIII – середины XIX в. наибольшую научную значимость имеют исторические источники личного происхождения (в том числе эпистолярные, мемуарные, автобиографические, дневниковые, устно-исторические), поскольку именно в них находят отражение многие важные аспекты повседневной жизни и менталитета дворянок, их субъективного мировосприятия и переживаний. При этом принципиально важны тексты, авторство которых принадлежит самим – образованным и «пишущим» – дворянкам, запечатлевшим в письмах, «своеручных записках», мемуарах, дневниках свое особое видение себя на разных этапах жизненного цикла, голоса «их самих», а не «о них».

Автодокументы, понимаемые как особый дискурс, или язык описания дворянской культуры, могут быть сопоставлены с другими дискурсами, например, официальных документов и литературных произведений. При этом по отношению к последним автодокументы формируют аутентичный язык ее самоописания. В сопоставлении разных дискурсов, их соотношении между собой состоит один из

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

методов современного исторического исследования – так называемый дискурсивный. Наряду с анализом нормативных и делопроизводственных материалов, не вполне репрезентативных для изучения этических требований самоорганизации сообщества, не упоминание в письмах и мемуарах дворянок общественно осуждаемого поведения позволяет судить о том, какие темы и почему замалчивались в женском автодокументальном дискурсе, о чем могла или не могла позволить себе писать барышня/барыня, о чем принято или не принято было рассуждать «на письме» в определенном социальном кругу.

Почему я, как и другие исследовательницы, предпочитаю термин «автодокументальные» источники «источникам личного происхождения»? Причина в том, что за последними закреплены совершенно определенные, «принятые» смыслы, а главный из них – наименьшая существенность данной группы видов исторических источников среди прочих, последнее место в иерархии источников. Однако именно такое отношение к «субъективным» источникам и пытается преодолеть методология истории повседневности, для которой важны не только заметные личности, но и «рядовые», как бы ничем не примечательные, рассуждения о событиях и явлениях не только государственной и общественно-политической важности, но и самых что ни на есть «обыденных», повторяющихся, не имеющих публичного резонанса. Автодокументальная традиция, за которой для меня стоят, прежде всего, конкретные человеческие судьбы, «живые» люди, их переживания и ощущения в

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

определенном историческом времени и пространстве, подчас, действительно, «становится понятием одушевленным и мыслящим».

Биланчук Р.П.

Вологодский государственный университет,

г. Вологда.

**«Летописец о препровождении маловременных
настоящих сея жизни»**

Матвея Стефанова сына Жданова (1661–1736).

Доклад посвящен комплексному анализу практически неизвестного автобиографического сочинения первой трети XVIII в. (ОР БАН. 45.13.2.). Рукопись поступила в БАН в начале XX в. из Кадниковского у. Вологодской губ. и была описана В. И. Срезневским (Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки Императорской Академии наук в 1900 и 1901 годах. СПб., 1903. Приложение 1. С. 142–144).

Составитель «Летописца» – вологжанин, долгое время служивший подьячим, стряпчим пригородного Спасо-Прилуцкого монастыря, а позднее – надзирателем казенных ратушских сборов в Вологде. Его дальнейшая карьера и превратности жизненного пути связаны с известной личностью петровской эпохи – царским «прибыльщиком», начальником Архангелогородской губернии А. А. Курбатовым. При высоком покровителе Жданов вырос до должности

коменданта Пустозерска. Последним местом службы составителя и героя «Летописца» стал надворный суд в Ярославле (1722 г.). Остаток жизни герой повествования провел в Вологде.

Матвей Жданов является автором ряда дневников («диурналов»), отражающих вехи служебной деятельности и частной жизни его патронов (А. А. Курбатова, И. А. Хрипунова), а также собственные впечатления от поездок по Русскому Северу (1712–1714 гг.), в Санкт-Петербург (1718 г.), Ярославль (1722 г.). Перу Жданова также принадлежит духовное сочинение «О единстве веры», ряд поучений и достаточно обширный эпистолярный. Часть литературного наследия Жданова (дневниковые записи и письма) введена в научный оборот Ю. К. Бегуновым (*Бегунов Ю. К. Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу XVIII века («Диурналы» и письма Матвея Жданова) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 221–248.*)).

«Летописец» имеет двухчастную структуру. Повествование о жизненном пути (с 9 августа 1661 г. до июля 1724 г.) дополняется «Присяжением», являющимся, по сути, дневником автора. Последняя запись в рукописи датируется 13 марта 1736 г. Опираясь на наблюдения А. Г. Тартаковского (*Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 38–58*), можно предположить, что рассматриваемый «Летописец» представляет первый из известных на сегодняшний день документов автобиографического характера, появившихся в русской провинции в среде незнатных горожан. Созданные в традиционной для того

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

времени летописной форме, записки Жданова в целом придерживаются хронологического порядка изложения и содержат информацию о служебной деятельности, семейной жизни, здоровье, примечательных явлениях местной (вологодской) жизни. Повествование ведется от третьего лица, а стиль изложения близок деловой письменности XVII – первой половины XVIII в. Примечательно полное отсутствие сведений (несмотря на явную осведомленность автора, читаемую в других его сочинениях) о персоналиях и событиях «большой», общероссийской политической жизни. Вместе с тем, в «Летописце» отчетливо прослеживается стремление к самооправданию и диалогу с потенциальным читателем.

Данный источник позволяет раскрыть вехи биографии, особенности повседневной жизни и основные черты внутреннего мира «простого» человека, жившего и творившего в «переходную» эпоху.

Божков О.Б., Игнатова С.Н. (СИ РАН, СПб)

Три основных фактора успешности междисциплинарного исследования

Одна из основных проблем междисциплинарных исследований – это «поиск общего языка» между представителями разных дисциплин. Но эффективность такого поиска тем выше, чем более строги и определены «исходные» языки. Для того, чтобы смело пускаться в междисциплинарное плавание, надо твердо держаться в

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

лодке своей собственной научной дисциплины. Рассмотрим, какие факторы способствуют успеху междисциплинарных исследований.

Во-первых, исходный эмпирический материал должен быть интересным и актуальным для всех участников междисциплинарного плавания. Этому требованию соответствуют материалы, составляющие содержание Биографического фонда СИ РАН, созданного 25 лет назад по инициативе Валерия Борисовича Голофаства². Они одинаково привлекают и социологов, и психологов, и историков, и социолингвистов, несмотря на существенные, подчас, различия их научных задач. Это, пожалуй, ключевой момент, обуславливающий необходимость понимания и учета двух других факторов, которые мы считаем не менее существенными.

Во-вторых, единство массива вынуждает участников этого плавания искать удобные для всех не только формы представления исходных данных, но и инструменты для их анализа и обработки. Именно здесь актуализируется задача поиска не столько общего языка, сколько приемлемого для всех участников. В этом пункте необходимо подключение квалифицированного программиста, который существенным образом дисциплинирует всех остальных (ведь компьютер сам по себе ничего не понимает: умный – не компьютер, а программист и тот (те), кто ставит ему задачу). Это важно, тем более потому, что современные исследования, связанные с анализом больших массивов текстов (Биографический фонд как

² Голофаст Валерий Борисович (1941 – 2004) – к.ф.н., филолог по образованию, защитил кандидатскую диссертацию по философским наукам, последние годы жизни руководил сектором социальных изменений СИ РАН, автор статей и монографий по методологии социальных исследований.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

раз и есть такой случай), теоретически и практически немыслимы без применения специализированных компьютерных программ. А поскольку исходный массив един, в базе данных он должен быть представлен, с одной стороны, максимально экономно, а, с другой, - так, чтобы каждый из участников междисциплинарного исследования мог решать свои задачи.

И, в-третьих, важен фактор, с которого начали, - все участники междисциплинарного проекта должны быть специалистами каждый в своей области знания. Так как именно профессионализм всех участников может обеспечить и поддержать комплексный подход и выход на новые уровни познания.

Эти тезисы раскрываются в докладе на основе проекта, заявленного на получение гранта РГНФ по теме «Биография как феномен культуры: комплексный анализ (авто)биографических материалов», участниками которого, наряду с социологами, были этнографы, психологи, социолингвисты и программист. Первый год реализации этого проекта должен быть посвящен как раз поиску общего языка и трансформации базы данных в вид, который был бы удобен и продуктивен для всех участников.

Бурина О.А.

студентка 3 курса, школа истории

ФГН НИУ ВШЭ, г. Москва

«Дневник Феликса Платтера. Проблемы перевода»

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Существует несколько переводов дневника Феликса Платтера, относящихся к XIX веку и один английский перевод XX века – это книга Шона Дженнета «Beloved Son Felix: The Journal of Felix Platter a Medical Student in Montpellier in the Sixteenth Century»¹ – перевод части дневника Феликса Платтера, посвященной его учебе на медицинском факультете в университете Монпелье. В данном случае, так как мы имеем дело с переводом, нам нужно проверить какими источниками пользовался Шон Дженнет и сверить с оригинальным текстом дневника, который написан на базельском диалекте, чтобы мы могли точно оценить релевантность использования английского перевода.

Работы предыдущих переводчиков дневника можно разделить на две категории. Первая группа – те, кто переводили весь дневник, от детства до преклонных лет, но при этом опуская подробности о повседневной жизни. Сначала в этих переводах пропадают незначительные абзацы, а затем исчезают целые страницы. Речь идет о немецком переводе¹ 1840 года и французском переводе 1866 г. В 1866-ом году предыдущее немецкое издание было весьма вольно переведено на французский и издано в Женеве¹.

Вторая группа – это полный перевод либо полного текста, либо нескольких глав. Полный перевод дневников Томаса (отца) и Феликса выходит в 1878 году в Лейпциге¹. Это критическое, сделанное по более строгим археографическим правилам издание. На это издание ориентировались переводчики из Монпелье, которые соединили в своем издании 1892 г.¹ уже записи Феликса и Томаса Платтера Младшего, переводя только те главы, где читатель может узнать все

подробности повседневной жизни Южной Франции в XVI веке. Консультировал переводческую работу профессор М. Л. Кьеффер¹, который хорошо знал базельский диалект немецкого языка. Итак, опираясь на предысторию перевода 1892 года, мы можем полностью довериться этому французскому переводу дневника, сделанному обществом библиофилов.

Соответственно наш английский перевод – это дословный перевод издания 1892 года на английский язык, а это значит, мы можем доверять и ему. Таким образом, мы приходим к выводу, что релевантно обращаться к переводам 1878 года, 1892 и 1961 годов.

Волошина С.В., Литвинов А.В.

Национальный исследовательский

Томский государственный университет, г. Томск

Жанрово-стилистические особенности делопроизводственной автобиографии XX века³

This paper is devoted to analysis of clerical autobiographies from theory of speech genres point of view. Peculiarities of composition, content and style of autobiographies, written by people in the XX-th century during applying for a job, entering the university are revealed. We study

³ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 "Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация").

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

autobiographies, written on sheets of clean paper and on special papers with instructions of what information should be in the texts. Requirements to the writing of autobiographies influenced on composition, content of texts and human genre consciousness. Stylistic analysis revealed a combination of languages means of different styles in a text.

Делопроизводственная автобиография – документ, в котором описываются основные этапы жизни человека с момента рождения и который создаётся при поступлении на работу, в ВУЗ и т.п. и хранится в личном деле его составителя. К анализу в жанрово-стилистическом аспекте привлекаются около 300 таких документов, написанных жителями г. Томска в конце 1920-х - 1990-е гг. XX в. на специальных бланках или на листах чистой бумаги. В материале выявлено 7 типов бланков (относятся к 1940, 1949, 1954, 1955, 1958, 1979, 1990 гг.) с требованиями к составлению текстов.

Относительно устойчивый набор высказываний, стандартность формы, стиля, содержания, типичные ситуации написания позволяют выделить автобиографию в отдельный речевой жанр. Речевой жанр автобиографии, функционирующий в делопроизводственной сфере, на наш взгляд, - ядерный жанр автобиографического дискурса. Эта работа является частью исследования, посвященного описанию автобиографического дискурса, поэтому особенности делопроизводственной автобиографии выявляются, в том числе на фоне

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

автобиографических текстов, существующих в других дискурсивных практиках (в частности, в диалекте), и с целью их сопоставления.

Исследуемые тексты в основном строятся по схеме: сведения о дате и месте рождения, социальном происхождении, образовании, деятельности (профессиональной, общественной и т.п.), службе в армии, составе семьи и жизни в момент написания автобиографии. В конце документа указывается дата его составления и ставится подпись. Информация подаётся в хронологическом порядке. Это особенность автобиографий-документов, поскольку в автобиографических рассказах, функционирующих в диалекте, хронологическая последовательность в повествовании может нарушаться, а рассказы - начинаться с информации о жизни в настоящее время⁴.

Композиция и содержание делопроизводственных автобиографий в XX веке принципиально не менялись, но под воздействием формальных требований, которые предъявляла власть к содержанию, в тексты добавлялись новые пункты, изменялись отдельные тематические блоки, язык автобиографий становился более «сухим», авторы старались уклоняться от требований, сообщать неполные сведения. Эти требования влияли на жанровое сознание человека, поскольку при их отсутствии человек по-прежнему может давать ответы на них⁵.

⁴ Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2008. -26 с.

⁵ Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1(10). С. 40–54.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Стилистический анализ позволяет отметить наличие элементов «наивного» письма, разностилевых языковых средств в пределах одного текста, в то время как традиционно делопроизводственные автобиографии рассматриваются как тексты, относящиеся к официально-деловому стилю⁶.

*Воробьева Е.И., к.ф.н.,
независимый исследователь, г. Москва*

Биография современного поэта в свете биографического интервью: трансформация нарратива.

Пресуппозицией нашего исследования является то, что «литература» в школьном понимании этого термина, т.е. как поле производства и трансляции общезначимых для данной национальной культуры образцов, языков и смыслов, обретает в конце 20 – начале 21 века иной ценностный и социальный статус.

В глобальном, деиерархизированном, «сетевом» мире «множеств» литература – это всего лишь один из выборов на поле культурного потребления, находящийся в конкуренции с другими формами самореализации индивида. Более того, иерархическое отношение между автором и читателем нарушается тем, что современные средства коммуникации делают авторство и связанную с ним публичность легко достижимыми, размывая грань между сообществами производителей текстов и их потребителей, а следовательно – между режимами чтения и письма.

⁶ Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. – М.: Эксмо, 2008. – С. 436

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

На этом фоне традиционные инстанции литературного признания теряют свой символический вес, будучи вынуждены конкурировать с более доступными публике сетевыми медиа.

Особенно сильно эти процессы маргинализации затронули поэзию, которая являлась «эссенцией» старого порядка «производства литературы», ее автономной областью, подчиненной принципу «чистого взгляда» (Бурдые). Произошла «поломка» распознающих механизмов культуры, благодаря которым поэт – современник мог быть распознан читателем как легитимный «наследник» канонизированных «классиков». Теперь любой поэт вне собственного закрытого поэтического сообщества, наделяющего его символическим капиталом, воспринимается как «самозванец» и конкурирует с множеством самопровозглашенных творцов.

В этой ситуации «нераспознанности» действующий поэт попадает в поле аномии, не той «институционализированной аномии», о которой писал Бурдые, а аномии «абсолютной»? оказывается тем, кого «сейчас не может быть» («все поэты жили давно»).

В этой ситуации представление о биографии поэта как своего рода сакрализованном «пути творца», где «человеческое» подчиняется превосходящему его «поэтическому» как «року», «судьбе», должно быть существенно трансформировано.

Если предшествующий режим существования литературы наделял поэта безусловным «правом на биографию» (Лотман), то современность, существенно меняя контекст производства поэтом его автобиографического нарратива, как бы отнимает у него это право.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Как возможен теперь рассказ поэта о себе? Исходя из какой идентичности он будет строиться? Как соотносятся в нем разные тематические линии и разные нарративные идентичности, конструируемые в ходе построения каждой из них?

В качестве кейса для рассмотрения мы взяли книгу интервью Линор Горалик «Частные лица». Мы исходили из того, что эти интервью имеют двойственную природу: с одной стороны, Горалик обращается к методике нарративных интервью («ставит перед поэтом диктофон и спрашивает, что он может сказать о себе»), с другой – это публичные интервью, которые изначально являются актом признания.

Методологически такое интервью дает доступ к самому феномену признания и к тем социальным порядкам, которые он устанавливает. Авто/биография поэта/художника/писателя, рассказанная в публичном интервью – это биография того, кто признан поэтом/художником/писателем и согласился на общение в пространстве признания. Значит, анализируя ту идентичность, которая конструируется внутри такого нарратива, мы можем получить ответ на вопрос «Что значит быть поэтом/художником/писателем в данное время и в данном месте»? Так мы получаем доступ процессу, который Бурдье называл «переопределением границ поля», и к тем критериям включения в поле и формам существования в режиме включенности, которые не могут быть выявлены иным образом. Мы взяли за основу анализа критерий положения поэтической фабулы в общем сюжете биографии респондента. При этом мы увидели, что

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

различные фабулы имеют для респондента разную ценность. Анализ нарратива позволяет вычленить его смысловую доминанту – главную фабулу, отвечающую на вопрос, чья биография излагается?

Практически все интервью выявили одну важную особенность: практически никогда биография респондента не собирается вокруг поэтической идентичности. «Смысловой доминантой» нарратива оказывались то профессиональная, то поколенческая, то гендерная фабулы. «Поэтическая фабула», то есть история о том, как были написаны первые стихи, как было найдено релевантное сообщество, как возникали книги и проекты, оказывается привязана к этой смысловой доминанте, вложена в нее, также, как и поэтическая идентичность оказывалась привязана к идентичности «человеческой» - но не наоборот.

Таким образом, нарративная структура рассмотренных интервью оказывается своего рода зеркалом общего процесса маргинализации поэзии и трансформации «уникальной истории» поэта в «коллективную историю» анонима.

Глебкин В. В.

*РАНХиГС/заведующий Отделением теории и истории мировой
культуры гимназии №1514, г. Москва*

Автобиографии в проблемном поле когнитивной науки

Доклад обращается к трем сюжетам, носящим междисциплинарный характер. Первый из них – "Автобиография и культурно-историческая типология". Есть целый ряд данных

(Романов 1991, Röttger-Rössler 1993), свидетельствующих о том, что представители традиционных (hunter-gatherer) культур не в состоянии описывать свою биографию, эта способность формируется лишь в теоретических культурах. С этим коррелирует утверждение ряда когнитивных психологов, занимающихся проблемой автобиографической памяти, что подростки до 17-18 лет обычно не в состоянии давать целостное описание своей жизни (Habermas, Bluck 2000; Нуркова 2009). Уникальный материал для понимания связи процесса формирования автобиографической памяти и автобиографического нарратива с процессами когнитивного развития в онто- и филогенезе дают т.н. "наивные мемуары", например, записки Е.Г. Киселевой (Козлова, Сандомирская 1996).

Второй сюжет доклада связан с различием между устными воспоминаниями и записанным текстом. Психологи, занимающиеся исследованием автобиографической памяти, работают в прямом контакте с респондентами, и базовым для них оказывается устный регистр; историки, филологи и культурологи работают с письменными текстами, что задает дополнительные ограничения на организацию нарратива. Эти ограничения могут быть исследованы экспериментально, и современная когнитивная лингвистика предоставляет широкие возможности для этого. В частности, удобным материалом для таких экспериментов является "фильм про груши" (pear film), снятый в 1975 г. У. Чейфом и за прошедшие 40 лет создавший отдельное направление исследований в социолингвистике и когнитивной лингвистике.

Третий сюжет обращается к проблеме реконструкции сущности (человек, личность), которая стоит за текстом автобиографии. Эту проблему (что собственно мы реконструируем, исследуя мемуары и автобиографии, и каков механизм проверки сделанных нами наблюдений и выводов) нельзя еще считать даже осознанной в должной мере в литературоведении и в культуральных исследованиях. Обращение к данным когнитивной науки дает новый импульс для проблематизации описанного сюжета. Так, Д. Канеман (2011) вводит оппозицию *experiencing self* – *remembering self* и показывает, что наше восприятие прошлых событий заметно отличается в ряде важных аспектов (например, в оценке длительности) от непосредственного переживания этих событий.

Abstract: The research focuses on three interdisciplinary issues concerned with autobiographies and autobiographic memory. The first issue is situated in the domain of cultural-historical typology. There is clear evidence that autobiography is a characteristic of theoretical cultures, but hardly "sympractical" (hunter-gatherer, etc.) ones. The second issue addresses a difference between oral and written memories. A problem of Self and its representation in autobiographies is a purport of the third issue. In particular, the contrast *experiencing Self* – *remembering Self* has been discussed.

Голодяев К.А. методист,
Музей города Новосибирска,

Три штриха к истории

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Автобиографические записи одной крестьянской семьи от глав трёх поколений в рамках Семейной Книги. Фрагменты из воспоминаний трёх поколений, относимые к важным этапам истории России (рубеж XIX-XX веков, столыпинская реформа, переселение – детство в Уссурийской тайге в годы Великой отечественной войны – участие в перестроечных процессах к.80-х – н.90-х годов XX века)

Всем понятна та цементирующая связь поколений, которую несут личные дневники, записки или автобиографии. Мало того, что они позволяют выстроить и сохранить в веках живую историю отдельного рода, из этих слов очевидца, современника, этих небольших, фрагментарных story складывается большая и что крайне важно, неофициальная history страны, времени, человечества.

Мы же обратимся к фрагментам этой устной истории, выбранных из автобиографических записей одной крестьянской семьи, написанных главами трёх её поколений в рамках объёмной Семейной Книги. Очень проблематично уместить смысл в заданный формат. Поэтому перед нами только штрихи воспоминаний трёх поколений, относимые к важным этапам истории России: рубеж XIX-XX веков и столыпинская реформа; военное детство в Уссурийской тайге; перестроечные процессы к.80-х – н.90-х годов XX века.

Голодяев Пётр Андреевич

Зимой в 1905-06 году к нам в Куликовку приехали на побывку к своим родным, выехавшие ранее на переселение в Уссурийский край... и рассказывали про свою жизнь, сопоставляли с нашей.

"У нас дома новые, срубленные из хорошего кедрового леса, окна большие, рамы двойные, полы и все крашенное, дров сухих много. Земли у нас много, сто десятин на двор... Леса у нас хорошие, толстые и тонкие, прямые как свечки, возим дрова долготьем, а потом нанимаем корейцев пилить нашвырок".

Этим рассказам наши мужики чаруются, и как будто от неощутимого удовольствия текут слюнки. Сидят на скамье ерзают попей, как будто бы хотят вскочить и убежать на "Муру" - пахать, косить, рыбу ловить. И решили твердо ехать на "Муру", на переселение.

Голодяев Артём Пётрович

Родился я в самой многодетной семье... Отцу в те суровые времена было не до нас. Не до жиру, быть бы живу. Не в переносном, а именно в прямом смысле слова. За ним приходили, но его не оказалось дома, для выполнения плана быстро взяли кого-то другого. Вся мамина родня уже была выслана на Зею, на прииски. А потом колхоз. Нежелание в него вступать, а потом желание под любым предлогом из него сбежать. К тому же верующий. Это балансирование на лезвии бритвы. Будешь тут мрачным и молчаливым. Думаю, значение имеет и то, что он 4 года воевал в царской армии, был артиллерийским разведчиком.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

...Еще помню, как мы слевой украдкой от родителей выпили медовушки и пошли в конец нашей улицы на поляну к протоке. Там выстроился артиллерийский дивизион с пушками и шеренгами военных. Мы с братом тоже приняли участие в параде. Было потешно и боязно...

Голодяев Константин Артёмович

Весна 89-го была отмечена выходом Демократического Союза на широкую аудиторию. На 12 марта был заявлен и разрешен властями митинг в честь 72 годовщины Февральской революции. Девчонки распоролы какой-то матрас и пошили из наматрасника, подходящего по расцветке, небольших российских флажков. Из кусков ткани сшили и большой триколор. Народу около ступенек Нарымского сквера, долгое время служивших нам трибуной, собралось около тысячи человек. Зайдя наверх лестницы, я и Андрей Вишняков держали российский триколор. Это было первое публичное поднятие флага в Новосибирске. Острый Мананников, невозмутимый Батенев, экспрессивный Шапран в кожаной куртке с мишенью на спине и надписью «Рожден быть свободным» вещали народу правду-матку. Народ благодарно внимал. Милиция не вмешивалась. Никого не взяли.

Очень надеюсь, что скромная устная история нашей семьи, которую когда-то передавали из уст в уста, писали мелким почерком в тетрадках, а теперь легким касанием клавиш найдёт своё место в осмыслении процессов, происходящих в России к. XIX – н. XXI веков.

Abstract: Autobiographical records from the heads of three generations of one peasant family within the Family Book. The fragments of memories of three generations, connected to the important stages of Russian history (the turn of the XIX-XX centuries, the Stolypin reform, migration, childhood in the Ussuri taiga during the great Patriotic war, participation in perestroika processes late 80s – early 90-s of XX century)

*Грамотчикова Н.Б.,
УрО РАН, ИГНИ УрФУ*

**Стихи и проза в (авто)биографиях и «родословных»:
функциональный аспект**

Интерес к стихотворным включениям в семейную биографию возник в процессе изучения «родословной» уралмашевки С. Наварской «Жизнь одной советской семьи» (2004), частью которой являлись фрагменты отцовского дневника. Текст нарратива Наварской об отце проанализирован и опубликован в соавторстве: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/36605>, однако анализ лирики Б. Степанова - «настоящего коммуниста» и «наивного поэта» не входил в наши задачи. Стихи писал и «красный директор» Уралмашинстроя А. Банников (1895-1932); есть они в дневнике оперуполномоченного ОГПУ И. Шишлина (1933-34), что позволило получить минимальный исследовательский контекст изучения роли поэтических текстов в эго-документах и биографиях «первых коммунистов».

«Женскими» текстами, кроме книги Наварской, стали недавно

опубликованные повесть «Анна» и поэма «Жернова» Л. Шевчук (2015). Тексты Наварской и Шевчук — постсоветские, (вос)создающие семейную историю. При этом стихи и проза оказываются взаимодополняющими, но не взаимозаменяющими средствами (наиболее радикально их разделение у Шевчук, дважды рассказывающей сюжет семейной истории. Поэзия и проза представляют собой разные регистры повествования о жизни и ее осмысления; в них в разном соотношении присутствует «свое» и «не-свое» слово. Для «первых коммунистов» их лирика становится важным средством овладения новыми культурными сценариями и проработки сценария собственной жизни. Тогда как для «дочерей» лирика оказывается средством обращения к разнообразным традициям: народной песне, балладе, эпосу, проповеди и др.; а также представляет собой «сгусток» внутрисемейной памяти о прошлом.

*Демкова Н. С. (проф. СПбГУ),
Лунц С. А. (м. н. с. ИРЛИ РАН)*

Неизданная рукопись воспоминаний врача

С. Д. Чечулина (1866–1940)

«Ежегодник моей жизни».

В домашнем архиве семьи Демковых хранится автограф воспоминаний родного деда - врача Сергея Дмитриевича Чечулина (1866–1940), уроженца Белозерского края Вологодской земли, окончившего Медицинский факультет Московского университета

(1886–1890) и всю жизнь прослужившего врачом на железных дорогах России: сначала (1891–1905) – на Брестской железной дороге в Москве, затем (1905) – в инспекционной поездке по всей Сибирской железной дороге, от Москвы до Иркутска, с 1908 г. – санитарным врачом всей сети Южных железных дорог (Харьков), в 1910–1916 гг. – старшим врачом при постройке Средней части Амурской железной дороги (Благовещенск-на-Амуре, там он и встречался со знаменитым путешественником Фритьофом Нансенем, упомянувшим о встречах с Сергеем Дмитриевичем в своих мемуарах). В 1916 г. С. Д. Чечулин – военный врач на Западном фронте Первой мировой войны (Минск); старший врач санитарного поезда № 1030. После революции Сергей Дмитриевич жил в Петрограде и в усадьбе Борисоглебское на Ирме, а затем – в Череповце, где работал врачом до конца своих дней.

«Ежегодник» С. Д. Чечулина, написанный человеком наблюдательным, пунктуальным и остроумным, представляет собой огромную ценность как исторический источник уже в силу того, как много пришлось повидать в жизни его автору. Современник бурных событий начала XX в. (он был очевидцем московского восстания 1905 г., Февральской революции и др.), Сергей Дмитриевич позволяет читателям «Ежегодника» почувствовать сложнейшую эпоху разрушения империи, жизнь многих губернских и «заштатных» городков России, движение взбудораженных масс. Более того: кругозор железнодорожного врача, объездившего чуть ли не всю Российскую Империю, сделал записки Сергей

Дмитриевича не только историческим источником, но и ценным географическим и этнографическим справочником. Незданный «Ежегодник» С. Д. Чечулина – новый источник и для изучения психологии и жизни частного человека и семьи, помогающий понять значение исконно христианских гуманистических ценностей, которые не раз спасали Россию. Обстоятельное описание детства в Белозерске, учёбы в Ярославской гимназии и в Московском университете, лекций московских «светил» (Склифосовского, Снегирева, Филатова, Эрисмана и др.), женитьбы, счастливой семейной жизни и непрерывного труда русского интеллигента, врача чеховских времён, покоряет читателей «Ежегодника», посвященного жене и написанного для детей и потомков, вниманием автора к событиям и людям, обогащает современного читателя знаниями о духовных ценностях тружеников-интеллигентов из разных кругов русского общества сто лет назад (в их числе – брат автора, известный историк Николай Дмитриевич Чечулин (1863–1927), член-корреспондент имп. Академии Наук, исследователь эпохи Екатерины II, переводчик и издатель записок Екатерины Дашковой, монография которого «Русское провинциальное общество XVIII в.» была издана впервые несколько лет назад).

Сергей Дмитриевич Чечулин вёл подробные записи с 1885 по 1922 годы, а два периода, – детство в Белозерске и Ярославле (1866–1885) и жизнь в Череповце (1922–1936), – восстановил по памяти. Последняя мемуарная запись о его аресте НКВД и быстром,

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

внезапном освобождении (13–14 августа 1938 года) сделана незадолго его смерти.

«Ежегодник» заслуживает внимания читателей как записки умного, образованного человека, а для исследователей интересен и с литературно-типологической точки зрения, как памятник русской автобиографической прозы, начинающейся с «Поучения» Владимира Мономаха. Надеемся на издание «Ежегодника моей жизни» Сергей Дмитриевича Чечулина.

Дорофеев Д.Ю.

Горный университет, г. Санкт-Петербург

Антропология античных автокоммуникаций: специфика личного автобиографического самосознания

В докладе будут исследоваться особенности антропологических оснований *античных автокоммуникаций* – личных писем, дневников, автоэпитафий и, конечно, автобиографий. Философско-антропологические проблемы самоопределения человека, поднятые вопросом Сократа что есть *«самое самó»* (*auto to auto*) человека (Алкивиад I, 121-123), будут решаться в Древней Греции и особенно в Древнем Риме посредством развития *жанрового* потенциала автобиографических автокоммуникаций. Автобиографические автокоммуникации – особый способ само-собирания человека в его скульптурно понимаемой «овнешненной» (М. Бахтин) идентичности, фундированной в античности приоритетной установкой припоминания (*anamnesis*) и манифестируемой в особых

формах письменной самосоотнесенности. Интересно проследить эволюцию и развитие механизмов автобиографического самосознания от, например, Седьмого Письма Платона и речи Исократе «Об обмене имуществом» до *историографических автобиографий* Николая Дамасского и Суллы (I в.д.н.э.), императора Августа и Иосифа Флавия (I в.н.э.) и *личных автобиографических воспоминаний* Либания (IV в.н.э.). Если собственно жанр автобиографий (определяемый как *De vita sua*) в античности был тесно связан с историографией, представляя историческим воспоминание и представляя человека как «историческое лицо», *publica persona*, то личностное разворачивание человека как *private persona* осуществлялось благодаря автобиографическому и автокоммуникационному потенциалу частных писем. Не менее полезно на материале сравнения античных дневников с «психологической прозой» (Л. Гинзбург) XVIII века или с «сетевыми» дневниками XXI века выявить различия в (само)понимании человека в разные эпохи, показав возможность *множественных форм осуществления личностности* (Personlichkeit), каждая из которых определяется своим способом (авто) коммуникаций. Так, дневник Марка Аврелия – это не описание, анализ и самооценка повседневной жизни Я (в духе дневников Л. Толстого, например), а особая «практика себя» (М. Фуко), «забота о себе» (*epimeleia*), предполагающая императивные самонаставления и самовнушения, в духе нормативных самоотчетов пифагорейцев, только уже осуществляющихся не в

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

устной форме в общности единомышленников, а в одиночестве письменного диалога с самим собой, Логосом и Космосом. Определение само-понимания человека возможностями письма, фундированное признанием прямой взаимосвязи антропологии и языка, нельзя связывать лишь с исследованиями *нарративной самоидентификации* второй половины XX века (например, П. Рикером), оно существовало в своих самобытных формах уже в античности. Не абсолютизируя значение письменности, античный мир рассматривал письменные автокоммуникации в диалектической связи с устными (бывшими в целом приоритетными), а открытость самому себе – с открытостью Другому. Автор будет стремиться показать, что античность имела особый тип *личных письменных коммуникаций*, в которых, несмотря на проблематичность существования личности в современном персоналистическом смысле в античной культуре, закладывались основы *личностного самоотношения и самосознания*, которые будут развиваться уже в христианских автобиографиях и исповедях (например, интересно проследить влияние и трансформацию традиций античных автобиографий в поэме Григория Богослова *De vita sua*) и без которых трудно оценить подлинное значение автобиографических сочинений эпохи Возрождения и Нового Времени.

Егорова О.В.

ЧувГУ, г. Чебоксары

**Исследование этнографии детства чувашей
по автобиографическим материалам.**

Постоянный интерес к изучению детства может считаться не только показателем, но и важным фактом изменений, происходящих в рамках изучения истории/этнографии/антропологии детства как научных дисциплин. Автобиография является одним из важных источников при изучении детства. В ней можно найти интересующие нас данные о традициях и обычаях, связанных с взрослением и воспитанием детей: имянаречении, крещении, питании, одежде, способах и ритуалах их включения во взрослую жизнь.

Объектом изучения являются автобиографии воспитанников и учеников Казанской духовной семинарии, Казанской земской учительской школы, Казанской учительской семинарии, Братских школ, хранящиеся в фонде Н.В. Никольского Чувашского государственного института гуманитарных наук. Значительная часть автобиографий по сути своей представляют тексты-воспоминания, изложенные в форме школьных сочинений. Они составлены не по собственной инициативе, а по просьбе взрослых - учителей. Поэтому наряду с фиксацией, интерпретаций событий, значимых для ребенка и отложившихся в его памяти, они содержат то, что было важным и существенным для учителя. В данном контексте можно отметить,

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

что дети описывают свою биографию, чтобы объяснить причины их поступления в то или иное учебное заведение. В основном автобиографии принадлежат мужчинам, поскольку основное число поступавших на учебу в указанные заведения составляли мальчики. Ранние годы жизни воспитанники реконструировали на основе некоторых фактов, запомнившихся по рассказам родителей.

В автобиографическом повествовании разворачивается персональная история человека. С одной стороны, она непредсказуема, с другой - predetermined обстоятельствами в данной местности и в определенный хронологический период. Сходство и повторяемость детского периода дает ощущение достоверности и устойчивости воспоминаний. Эти признаки присущи и описательному, и оценочному повествованиям. Начало жизни осознавалось возможностью быть несчастным человеком: ранняя смерть родителей, труд, отсутствие свободного для игр времени и возможности учиться, зависимость от зажиточных людей села. В автобиографии большое внимание уделено запомнившимся впечатлениям и событиям, связанным с жизнью и смертью, телесностью и болезнями. Жизнь отдельного человека, вплетенная в жизнь общественную, представляет собой структурируемый процесс. В судьбе любого воспитанника можно выделить интенциональный процесс, когда намеренно делаются шаги, которые должны вывести из нежелательной ситуации и институциональный, когда дети начинают учиться в учебных заведениях, проходят через семейный цикл и делают профессиональную карьеру.

Енина Л. В.

*Уральский федеральный университет имени первого Президента
РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

***Я как все, или практики коллективной идентификации в
портретных интервью⁷***

Теоретическая база нашего исследования связана с дискурсивным пониманием идентичности, согласно которому идентичность субъекта есть функция дискурса и представляет собой совокупность символических, то есть речевых, дискурсивных, средств самоопределения. Дискурс определяется нами в русле идей М. Фуко – как социально упорядоченный механизм организации коммуникации (передачи смыслов), как относительно устойчивое смысловое поле, структурируемое группами дискурсивных практик. Дискурсивные практики, воспроизводимые в речи говорящего, и есть его идентификация - ситуативный дискурсивный акт фиксации своей позиции в социальном пространстве и/или одновременно демонстрации отношения к Другому.

(Авто)биографическое повествование отличается от реально прожитой жизни – это всегда «риторическая иллюзия» (П. Бурдье). В современных условиях именно дискурс СМИ обеспечивает широкой аудитории нормативный семантический репертуар

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт "информационная война" как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

дискурсивных идентификаций, набор «риторических иллюзий» для конструирования собственной биографии. Поэтому медиатексты представляют собой необходимый материал для исследования (авто)биографических практик, распространенных в публичном и повседневном дискурсе. (Авто)биография предполагает типовую рубрикацию этапов жизненного цикла: детство, юность, зрелость, старость. В журналистских текстах (авто)биография часто строится по нарративным схемам, заимствованным из художественной литературы – романтический канон, сказочные прототипические схемы, рождественский рассказ и пр. Помимо нарративных схем жизненной траектории автобиографическое Я наделяется смыслами, актуальными, значимыми в определенный культурно-исторический период.

Поль Рикер выделяет две стороны в идентификации себя: самотождественности (*я как все*) и самости (*я в отличие от других*). В докладе будут рассмотрены такие практики автобиографической идентификации Я, которые воспроизводят смыслы «самотождественности», то есть повторяют логику самоопределения себя через *я, как и все*, или, иными словами, относят себя к некоторому сообществу. Основная цель доклада показать, какие коллективные идентификации являются в текущий момент актуальными в автобиографических текстах. Материалом для исследования послужили тексты портретных интервью в российских СМИ.

Зайцева Ю. Е. (СПбГУ)

**Автобиографический Я-нарратив как инструмент
конструирования идентичности⁸**

В рамках трехлетнего научно-исследовательского проекта «Метафоры времени и пространства в Я-нарративах и жизненных сценариях людей различных поколений»¹ нами на базе корпуса автобиографических текстов Биографического Фонда СИ РАН проводится исследование трех аспектов автобиографирования. Во-первых, изучение практики написания автобиографии как коммуникативного акта (Хабермас, 2001, Дивисенко, 2011). В рамках такого видения автор знакомит собеседника (читателя) со своим жизненным миром, выступая перед ним в определенной ипостаси. Основная цель автора (в отличие от автобиографий – резюме, анамнеза и пр.) – быть понятым в ценностно-смысловом отношении. Культурно-социальный контекст задает дискурсивную рамку для автобиографического текста. Множественная и диалогическая природа нашего я (Херманс, 2006-2007) позволяет актуализировать различные его ипостаси в зависимости от контекста автобиографирования. Исследуя автобиографии людей различных поколений можно заметить, какие идентичности (внутренние Я-позиции) чаще становятся героями Я-повествований, проявляя себя через систему валуаций (ценностно окрашенных событий, значимых других, жизненных устремлений).

⁸ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-36-01357

Вторым аспектом изучения является автобиографирование как нарративная практика. Когнитивная схема осмысления и кодирования эпизодов жизни структурирует опыт. Тип, тон, тема Я-нарратива фиксируют начала и окончания историй, активность или пассивность героя, его намерения и характер препятствий, успех или неудачи, извлечение опыта или его обесценивание, правила согласования эпизодов во времени. Последние отражают уровень экзистенциальной зрелости повествователя, чему посвящен третий аспект исследования (Зайцева, 2016). Временное согласование (Хабермас, Блак, 2000) эпизодов автобиографического повествования в целостный нарратив может носить характер: хронологической последовательности («сначала», «затем», «через несколько лет»); биографического согласования с культурно-нормативным жизненным сценарием («рано женился», «пошел в школу в 6 лет», «несколько раз поступал»); отражать причинно-следственные связи событий жизненного пути и динамику изменений героя повествования – каузально-мотивационный тип («благодаря этому, я стал таким человеком», «этого бы не произошло, если бы не...»); организовывать повествование вокруг единой темы, ценности, метафоры, подчеркивая динамику ее проявления в жизни и тождественность героя самому себе («я всегда к чему-то стремился, хотел достичь большего..», «мы жили большой семьей и до сих пор самое важное для меня...»). Автобиография суть история жизни «от первого лица», однако, именно нарратор вводит центральную тему, показывая, в зависимости от выбранного уровня

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

экзистенциальной рефлексии, с чем столкнулся персонаж в жизни, в чем он лучше или хуже других, кем он стал по сравнению с самим собой, ради какой ценности он жил, и, наконец, жизненные усилия по поддержанию каких связей с миром, другими людьми и самим собой составляют его незаменимость и безусловную ценность как уникальности.

Abstract: Autobiographical Self-Narrative as an instrument of identity construction.

Three aspects of auto-biographing in context of multidisciplinary approach are considered in our research project “Time and space metaphor in Self-narrative and life script of different generation members”, empirically based on (auto) biography’s corpus, collected by Biographical Archive of The Sociological Institute of the Russian Academy of Science. 1) Autobiography as a communicative practice of selective sharing of the narrator’s life world is discussed in conceptual framework of Dialogical Self Theory (H. Hermans), and models of communicative action and lifeworld representations (J. Habermas). 2) Autobiography as a narrative practice reveals social-cognitive mechanisms of interpreting, coding and sense-making of life events. 3) Autobiography as an existential practice shows narrator’s reflecting viewpoint constructed by temporal coherence (T.Habermas, S.Bluck) and thematic focusing of Self-Narratives.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

Золотухина-Аболина Е.В.

Южный федеральный университет,

г. Ростов на Дону

Философская автобиография: опыт Ж.-П.Сартра

Summary: The article deals with the idea that the philosophical autobiography in any degree is an application of philosophical method, in particular at the sphere of existential philosophy. Applying the method to his life, the philosopher looks on it through the prism of his theoretical position. At the same time the autobiography opens sources of theory and can supplement and correct ideas which are already conceptually expounded.

В философских автобиографиях, несущих в себе все трудности автобиографического жанра, дело осложняется тем, что повествуемыми оказываются не столько события и интересные встречи, сколько свойственные повествователю идеи, убеждения, концепты и установки. Доминирующим моментом такого рассказа также становится *применение авторского философского метода*, в результате чего автобиография проходит через фильтр, задаваемый избранными принципами: жизнь оказывается заложницей теоретизирования, а метод и история как бы «замыкаются в кольцо». Это ярко видно на примере автобиографий философов экзистенциального направления, в частности - книги Ж.-П. Сартра «Слова»:

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

- через всю книгу Сартра явно проходит *психоаналитический принцип* доминирования раннего периода детства и идея ведущей роли отца.

- утверждаемая им в теории *массовость самообмана и притворства* оказывается той призмой, через которую Сартр смотрит на свою родительскую семью, решительно обвиняя старших родственников в фальши и театральности.

- «Слова» - это исследование главных тем Сартра - свободы и *проекта*, хотя их автобиографическая трактовка получает совсем *иное прочтение*, чем в безличном исследовании, демонстрирует глубокую зависимость человека от окружения, что трансформируя исходную концепцию автора.

Явным примером расхождения между теоретическими конструкциями и воспоминаниями философа является также его обращение к сюжетам смерти и религии. Здесь мы с интересом обнаруживаем, что завзятый взрослый атеист вырос из ребенка, который «чувствовал религию и уповал на нее», но бог лишь однажды «на него не посмотрел»; а образ смерти, которая в «Бытии и ничто» предстает как незначимая, ибо ее нельзя ждать как прихода поезда, выглядит в воспоминании как угроза безумия. Сартром долго, вплоть до невроза, владел страх смерти, и избавления от него он стал искать в литературном творчестве, которое переживает своего автора.

Автобиографическое самоисследование становится, таким образом, не только воплощением философских взглядов автора, но

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

также их *дополнением и корректировкой*, открытием того, что скрывает порой концептуальный текст.

Килин А.П.

*Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
**«Автобиография в структуре судебно-следственных дел
Уральского областного суда (1923–1934 гг.)»⁹**

Противоречия нэпа, выразившие в сосуществовании обобщественного и частного секторов хозяйства, плановых и рыночных начал, приводили к ситуациям, когда вполне легальная хозяйственная деятельность гражданина заканчивалась возбуждением уголовного дела. В фонде Уральского областного суда нами рассматривались судебно-следственные дела, в которых фигурировали частные предприниматели и сотрудники финансовых организаций.

В состав судебно-следственных дел входят постановления; протоколы; описи имущества; анкеты арестованных; документы, характеризующие личность подследственного или свидетелей; акты экспертиз и проверок; собственноручные показания обвиняемого, его заявления и ходатайства; обвинительное заключение; судебное решение; кассационные жалобы и т. д.

⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Автобиографии относятся к документам, приобщенных к делу по инициативе самих обвиняемых. Они стремились продемонстрировать свою лояльность советской власти, подчеркнуть свое пролетарское происхождение, значительный трудовой стаж, указать на службу в рядах красной армии, упомянуть награды и поощрения. Как правило, эти данные сопровождались подтверждающими их документами. В протоколе допроса содержится краткая характеристика допрашиваемого, которая порой дополняет сведения, приведенные в автобиографии. Включенные в материалы дел протоколы допросов других обвиняемых, а также свидетелей подтверждают или опровергают данные, изложенные в автобиографии, что позволяет на основе материалов одного дела, получить более достоверные сведения о человеке. С горькой иронией можно констатировать, что ничто так подробно не позволяет ознакомиться с историей повседневности, как опись имущества арестованного и показания, данные следователю соседями и коллегами.

В процессе в качестве обвиняемых выступали не только частные предприниматели, но и сотрудники налоговых органов, обвиняемые в злоупотреблениях и взяточничестве. Автобиографии некоторых из них также приобщены к делу. На наш взгляд биографии предпринимателей и чиновников схожи, на каком-то этапе их жизненные пути расходятся, а затем вновь пересекаются в рамках судебного процесса.

В ходе реконструкции биографий нами использовались также материалы личных дел служащих Свердловского Окружного финансового отдела и материалы личных дел «лишенцев». Была подготовлена к публикации автобиографии Петра Петровича Капустина (1890–1938 гг.)¹⁰ и на ее основе создан аккаунт в социальной сети «В контакте», который активно используется в образовательном процессе, как пример реконструкции биографии исторической личности с использованием разнообразных форм представления информации¹¹.

Клочкова Ю.В.

*Екатеринбургский государственный
театральный институт, г. Екатеринбург.*

**Мемуары Софьи Семеновны Чекиной, театрального
деятеля 1920-30-х годов: биография без автобиографии.**

С начала 1910-х годов в екатеринбургской прессе стал появляться псевдоним Никто-не или его анаграмма Еноткин. Им были подписаны театральные рецензии, но чаще – фельетоны, из которых яркостью и остроумием выделялись те, что были посвящены Екатеринбургу. Их авторство принадлежало Вячеславу Петровичу Чекину (1868–1925). Сведения о нем были крайне скудны, поэтому,

¹⁰ Килин А. П. Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2016. (в печати)

¹¹ Петр Петрович Капустин (1890–1938) [Электронный ресурс] / Социальная сеть «В контакте». URL: <http://vk.com/id334025735> (дата обращения: 15.05.2016)

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

заявляясь изучением его творчества, я была чрезвычайно обрадована, узнав о существовании мемуаров его жены, Софьи Семеновны Чекиной (1888–1964): первая часть хранится в РГАЛИ, целиком в отделе рукописей библиотеки СТД РФ.

Однако мемуары оказались весьма специфичны и сведений о муже они практически не дали. В предуведомлении к ним автор замечает, что о себе она будет писать лишь в связи с яркими событиями эпохи, свидетелем которых была, и основным объектом ее воспоминаний будет послеоктябрьский период, т.к. остальное стерлось из памяти. Написанные в 1948 году, т. е. во время послевоенных кампаний, направленных на умирение интеллигенции, они представляют собой тенденциозный клишированный текст, подвергаемый тщательному саморедактированию. Их основное содержание – служебная деятельность автора, вначале театральной рецензентки в газетах Самары и Екатеринбурга, затем – работника Наркомпроса и организатора агитационного театра в Ярославле. Дальнейшее место службы: Москва, Главрепертком, Малый и другие московские театры, Союз театральных деятелей. Судьба сталкивала С.С. Чекину с Мейерхольдом, Таировым, Булгаковым, Афиногеновым, интереснейшими людьми эпохи. Но нигде в мемуарах мы не найдем живых черт этих людей. Зато в них подробно описаны запретительные задачи и работа Главреперткома, прямолинейный взгляд человека своей эпохи, отмечающий противоречивые взгляды

и оценки происходящего, четко мыслящего в русле, заданном властью.

Что касается личности мужа, Вячеслава Петровича Чекина, дворянина старинных корней, как выяснялось уже из другого источника, принципиально не желавшего принимать происходящего в стране и откровенно заявлявшего об этом в своих публикациях 1918 года, то упоминания о нем просто исчезают из мемуаров. Тем более, что в 1918 году он вместе с маленьким сыном Игорем (в дальнейшем писателем и сценаристом, парторгом Мосфильма) вслед за движением колчаковской армии оказывается в Омске и Иркутске, где также работает в колчаковских изданиях и занимает ту же непримиримую позицию по отношению новой власти. Софья Семеновна напишет лишь, что семья воссоединилась в 1922 году, но о работе В.П. Чекина в Наркомпросе Ярославля и его смерти здесь же в 1925 году упоминается уже в служебных автобиографиях Игоря Чекина. Характерно, что в них также оговаривается, что детства, проведенного с отцом в Екатеринбурге и Иркутске, он не помнит. Таким образом, мемуары С. С. Чекиной представляют собой специфически нерerefлексивный текст, близкий документально-эталонному, в котором детали личной жизни уступают место, говоря словами автора, «дыханию определенной эпохи, общественному, моральному и политическому колориту жизни».

Козлов А.Е. ИФМИП НГПУ

Семиотика конфликта в мемуарах петрашевцев¹²

Семиотика поведения петрашевцев (т.н. «первых русских социалистов») заслуживает особого внимания в плане изучения дискурса оппозиционности XIX – начала XX века и основных нарративов, формирующихся в автобиографических текстах и мемуарах. К тому времени, когда в «Русской старине», «Историческом вестнике» и «Вестнике Европы» были опубликованы воспоминания участников кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, в русской мемуарной литературе сформировались своеобразные «дискурсивные практики» повествования, концептуализирующие противостояние *героя* и *власти*. Наиболее прецедентными среди них являются материалы допросного дела и сохранившийся эпистолярный А.Н. Радищева и Н.И. Новикова, многочисленные воспоминания декабристов. Кажется знаменательным, что при декларативном признании виновности и осуждении вольномыслия, записки, становясь литературным фактом, не понижали гражданского пафоса и не омрачали созданного героического ореола.

Продолжая эту линию, большинство осужденных петрашевцев, или проходящих по делу М.В. Буташевича-Петрашевского, в то же время сообщали своим воспоминаниям качественно иное аксиологическое наполнение. Русские фурыеристы, называемые

¹² Материал подготовлен в рамках реализации гранта РГНФ № 15-14-54001, тип проекта «а».

бедными идеалистами (А.И. Пальм), честными фантазерами (И.И. Венедиктов), несчастными, заживо погребенными в мрачной могиле (И.Л. Ястржембский), в то же время уповающими на то, что честный смелый голос найдет путь к сердцу цареву (Ibid), предстают жертвами самодержавия. Большинство петрашевцев декларативно отказываются от следования сколько-нибудь самостоятельной политической программе, многие из них уделяют значительное место критике учения Фурье, а также насмешливо и сатирически описывают споры, проходящие на вечерах Петрашевского.

Среди пободных нарративов, созданных в разное время не только для легальной, но и эмигрантской печати (в частности, «Колокола» А.И. Герцена), особое место занимают воспоминания Д.Д. Ахшарумова, написанные им в конце XIX века (опубликованы в 1905 году; републикация под заглавием «Записки петрашевца» (1935); приводятся в сокращении в антологии «Первые русские социалисты» (1984)). Будучи доктором медицины, увлеченным исследователем гигиены и психологии человека, Ахшарумов соединяет в своем повествовании несколько значимых инстанций:

писатель-мемуарист, представляющий минувшее как фактическое и результативное событие, значимое в первую очередь в коммуникативном смысле (вот я стою перед концом моей жизни и пишу рукопись о былом – как мою исповедь!),

социалист-жертва, показывающий происходящее как становящееся, процессуальное, значимое в онтологическом и

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

социальном смыслах (я смотрел на жизнь со своей идеальной точки зрения, <...> а в размышлениях моих стремился найти истинный путь ко всеобщему благу человечества, – и вот, как государственный преступник, за эти помышления мои был я обвинен и заключен в каземат),

дистанцирующийся врач, диагностирующий социальное и коммуникативное, и выносящий свой независимый вердикт (записки выражают мрачное, экзальтированное, болезненное состояние человека, истомленного долгим одиночным заключением за стремление выйти из безобразной душной окружающей нас общественной среды).

Совмещая три повествовательные инстанции в своих воспоминаниях, Ахшарумову удастся создать синтетический текст, который, с одной стороны, отражая литературную традицию, в то же время открывает экзистенцию героя-революционера, предстающего безусловной жертвой существующего политического режима.

Крестьянинов А.В.

Казанский инновационный университет

им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Автобиография Е. А. Малова: миссионерские тексты и практики

Казанская губерния в позднеимперский период представляла собой регион, где имперские власти регистрировали случаи массовых «отпадений» православных крестьян «новокрещенных» в

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

ислам или совершения ими языческих ритуалов. Евфимий Александрович Малов (1835 – 1918) являлся активным миссионером в регионе. Он представлял собой новый тип современного миссионера, который отличался познаниями в области теологии православия и ислама, татарского, арабского и еврейских языков. Эти знания Е. А. Малов активно использовал в своей практической миссионерской деятельности в приходах Казанской епархии в позднимперский период Российского государства.

На протяжении всей своей жизни Е. А. Малов вел автобиографические миссионерские дневники. Некоторые из них были опубликованы отдельными книгами, но большая часть их осталась неизданными.

Спецификой дневников являлось самоописание Е. А. Маловым «себя» в автобиографическом письме. В его дневниках трудно найти описания семейных, родственных или дружеских взаимоотношений. Все записанные им собственные размышления или диалоги прямо или косвенно касаются миссионерской деятельности православной церкви. Так, Е. А. Малов полностью идентифицировал себя с «миссионерской наукой», которой он пытался найти рациональное основание как практической науки. Он рассматривал «миссионерскую науку» как строгую науку со своими источниками, методами и практиками, которым необходимо обучаться. Поэтому неудивительно то, что его автобиографические заметки, в определенной степени, являлись продолжением его непосредственной миссионерской деятельности. Казанский

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

миссионер не только создавал знания о конфессиональном разнообразии региона, но и раскрывал своим читателям беседы как с «отпавшими», так и с мусульманами и язычниками. Е. А. Малов рассматривал свои личные наблюдения и беседы как основу для «учебных пособий» для священников в поликонфессиональных приходах и для тех, кто интересовался миссионерским вопросом в Российской империи. Однако, несмотря на то, что Е. А. Малов доказывал научную строгость миссионерской науки, сам он изменял свои взгляды на данную дисциплину в зависимости от ориентальных, национальных представлений о мусульманах и других народах Казанской епархии.

Таким образом, данные дневники являются важным дополнением для реконструкции биографии самого Е. А. Малова, так как его рапорты в Казанскую духовную консисторию не отличались такой информативностью, как автобиографические заметки. Автобиографическое письмо Е. А. Малова представляет важный интерес для изучения идентичности человека Нового времени. Идентичность, которая связана не с интимной стороной жизни человека, а с профессиональной деятельностью. Однако, эта идентичность полностью растворяется в описании этих профессиональных практик, а в данном случае миссионерских.

Кулакова И.П.,

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

**О причинах, заставляющих россиян XVIII века обратиться к
жанру дневника**

Изучение специфики эготекстов в российской традиции, требует рассмотрения социокультурных предпосылок их появления. Эпоха культурного слома, который Россия прошла в 18 – начале 19 в., на наш взгляд, стала наиболее значимым периодом интеллектуальной предыстории современности. В отличие от западноевропейской, российская цивилизация была пограничной (по отношению к Западу и Востоку), аграрной по характеру и «периферийной» по своему генезису (не будучи прямо связанной с наследием античной цивилизации). Особенности эти проявилось не только в сфере производства, но и в культурном развитии России, предопределив как большую долю устного сегмента в развитии допетровской культуры, так и характер русской письменной традиции, книжности. Появлению развитых автобиографических текстов в России предшествует развитие ряда «переходных» жанров в их тесном переплетении друг с другом – различные виды «авторских» письменных текстов (расспросные речи; челобитья, подкрепленные рассказом о своих служебных заслугах перед государем и незаслуженных обид; служебные записки, служебные и семейные хроники, заполняемые служащими делопроизводственные формуляры). Само «упражнение в писании», т. е. систематическое занятие письмом (и тем более сочинительством) как практика вплоть до последней четверти XVIII в. находилось на стадии становления.

Появившаяся при Петре новая система организации власти и управления отличалась от традиционной в том числе и техниками письма (столбцовое заменяется тетрадной формой делопроизводства), вырастала бюрократия, ими владеющая. Необходимая привычка к письму в целом как повседневной практике отличала прежде всего тех дворян и разночинцев (помимо, разумеется, части окончивших «высшие» учебные заведения), которые были встроены в управленческие структуры и имели навык регулярного письма или архивирования. В целом в среде дворян превалировала манера надиктовывать распоряжения, письма, мемуары. Эпоха Просвещения с «трансфером» новых практик внесла новую логику в развитие, в том числе, письма, «сочинительства», литературного творчества. Возникали новые формы интеллектуальной коммуникации, различные слои населения втягивались в новые процессы, «искаженные» силовым полем глубокой традиции.

Ранние «самоописания» несут следы «жанровой расплывчатости»: это, например, ранние записки-отчеты о поездках служилого дворянина - с точки зрения, «государева человека», исполняющего властные предназначения (типа «Карманного журнала Яковлева», «Журнала» путешествия Б.И.Куракина и «Дневника русского путешественника» И.Л.Нарышкина и т. п.). С другой стороны, записки дворян отличало желание держаться в рамках семейной хроники. Для «пишущих» купцов конца XVIII в. жанр семейной хроники совмещался с ведением хозяйственных дневников. У образованных разночинцев, как правило, не было амбиций для жизнеописаний, но их автотексты как описания скитаний и бедствий появлялись в кризисных ситуациях (попадание под

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

следствие и т.п.). Таковы, например, самоописания дворового человека князей Голицыных Смирнова (попавшего под суд сына небедного управителя имением). Появляются желающие издавать авантюрные жизнеописания как биографические «повести», нацеленные не столько на самовыражение, сколько на привлечение внимания читателей (как, например, «Несчастные приключения Василия Баранщикова», скитавшегося по миру в 1780-1787 гг.).

Автобиографическое письмо, как считает большинство современных исследователей, появляется на стадии формирования самосознания личности и выступает как новая система хранения персонифицированного опыта. Исследователи приписывают феномену эготекстов экзистенциальные функции «включения» функций самоанализа, переориентации интереса человека с привычного изучения внешнего мира на исследование внутренних оснований собственной личности. Создание эго-текстов способствует самоопределению, соотнесению себя с эпохой, демонстрирует осознание уникальности своей жизни, и т. п. Имея в виду большинство российских эго-текстов XVIII в., можно сказать: если коммуникативные функции они выполняли, то с автокоммуникацией дело обстояло значительно хуже.

Большое значение имело знакомство с практиками или напрямую – с образцами автотекстов, дневников, формы которых уже стали обыкновением в странах Западной Европы. Я предлагаю рассмотреть два дневниковых текста, написанных в одно время, появление которых было вызвано совсем разными причинами.

«Дневник поручика Васильева», офицера, в 1774-1777 гг. служившего за рубежом, демонстрирует результат знакомства втора с западными «модами» и привычками «благородного общества» (начало дневника отзывается сильным польским влиянием) – в т. ч. и с привычкой к «литературным упражнениям» в часы досуга. Тексты дневника Васильева демонстрируют постепенное «вхождение» в эту новую практику: полное отсутствие стиля («лепет младенца») вначале и постепенное «вхождение» в практику самоописания в конце.

Установку на самописание и самоанализ предлагала россиянам европейская масонская традиция. (В одном из наставлений масонам одной из русских лож читаем: «Обращайся к истории жизни твоей. Что было хорошего и худого в моих родителях, первых учителях, юных друзьях, и в школах, в которых я вырос?.. Действительно ли имею ныне те хорошие свойства, которых основание положили во мне оныя обстоятельства, или в чем я стал хуже?») Мы знаем примеры нескольких дневников, созданных масонами; среди них, пожалуй, наиболее известна «Повесть о себе самом» И.Елагина, которая, несомненно, отличается достаточной рефлексией. Масон И.П.Лопухин утверждал: «... Я не ученый, следовательно, несоблюдение мною правил учености извинительно, особливо в Записках, которые пишу только для приятелей и для любопытных». Однако интерес представляет пример более раннего текста - публиковавшийся лишь в отрывках дневник Алексея Яковлевича Ильина (1775-1776): очевидно, что автор не знаком с образцами дневников, поэтому свою задачу он понимает весьма своеобразно.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

Данные примеры самоописаний показывают, какими разными путями приходила в Россию традиция дневникового письма.

Левченко Т.В.

ведущий научный сотрудник «ВНИИгеосистем»,

г. Москва

**Критик Федор Левин (1901-1972). Неизвестные
документы об автобиографии**

Abstract: There are presented the analytical study of autobiographical part the new-opened archive of literary critic F. Levin (unpublished manuscripts of memoirs: «The Story of My cosmopolitanism», «Autobiography» et cetera and archival documents) as the serious addition the history of soviet russian literature 20-70 years of XX century.

Литературный критик Федор Маркович Левин не раз оказывался в центре острых полемик и литературно-политических событий 20х-70-х гг. XXв.: создатель издательства «Советский писатель» (1934-1935гг), редактор журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение» (главный редактор 1938-1941гг), участник полемики с А.Макаренко, «космополит — антипатриот». Архив Левина по ряду причин оставался до 2014 г. вне поля зрения специалистов. После его открытия оказалось, что важной частью архива являются дневники и неопубликованные рукописи автобиографических сочинений периода 1958-1972 гг.: «История моего космополитизма» (1958), «Коктебельская тетрадь» (1962), «Записки в стол» (1962-1972), «Автобиография» (1966).

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Анализ этих текстов показал, что хорошо сознавая историческую важность своего свидетельства о событиях, в которые был вовлечен и людях, которых знал, Левин на протяжении последних пятнадцати лет жизни создавал мемуарно-автобиографический гипертекст, используя разнообразные литературные возможности мемуарно-автобиографического жанра. События его жизни: частной и общественной, стали предметом разномасштабного и разножанрового описания и рефлексии.

Так, предваряя сборник мемуарных текстов 1962 г. Левин напишет: «Записи в этой тетради - мои воспоминания о встречах с людьми, чаще всего с литераторами. Здесь будут и эпизоды, и анекдоты (в том смысле, который это слово имело в пушкинские времена), и чужие рассказы, и порою кое-какие мои размышления, разъяснения, комментарии. <...> я пишу не для себя, но и не предназначаю эти страницы для печати, во всяком случае, в ближайшие годы.» Эти записи отличаются по форме от «очерков характеров и лиц», собранных в папке «Записки в стол» (некоторые из них он включил в книгу «Из глубин памяти» (1973)), но связаны с ними и фактически, и текстологически. То же можно сказать и о тексте «Автобиографии».

Центральным из найденных текстов является «История моего космополитизма». Название этого повествования явно отсылает к названию автобиографии П.Абеяра (1079–1142) «История моих бедствий» и подобно яркому рассказу Абеяра о своем времени, о переживаниях гонимого церковью человека, левинская «История»

столь же ярко и изнутри повествует об антисемитской кампании по борьбе с космополитами. Но она же показывает, как сохранить идеалы и свободу выбора в тоталитарном государстве. Это одновременно и исповедь, и документально достоверный источник, что подтверждают материалы закрытого «партийного дела» Левина, рассекреченного в 2015 г. В нем же сохранилась довоенная автобиография критика, которая помогла дополнить его биографию. Эти документы и неопубликованные автобиографические рукописи показали личную и профессиональную позицию критика, отстаивавшего право на собственное мнение вопреки идеологическим установкам и выявили неизвестные факты и детали, касающиеся времени и ряда других биографий писателей, в том числе В.Гроссмана, А.Ахматовой, Б.Пастернака, К.Симонова.

Лупасова А.Н. НИУ ВШЭ,

Москва, аспирант департамента социологии

**Современное российское отцовство:
автобиографические нарративы**

Доклад посвящен анализу автобиографических нарративов современных российских отцов, принадлежащих к разным социальным группам. Нарративы взяты из тематически-центрированных интервью, проводимых в рамках диссертационного исследования «Модели отцовства в постсоветской России: динамика и преемственность в разных социальных группах». Автор приходит к выводу, что респонденты из этих групп (условно названных middle

class и low middle class) придерживаются различных взглядов на роль отца в семье, эгалитарность семейных отношений и внутрисемейного договора, ценности, транслируемые детям. Эти взгляды вербализируются также по-разному. Респонденты демонстрируют разную степень заинтересованности в истории своей родительской семьи (от полного равнодушия до желания «идти по стопам» родителей), что отражается в нарративном стиле их повествования.

Анализ тематических блоков интервью позволяет выделить три основных типа нарративов отцов:

- неотрационалистский, в котором основной упор делается на выполнение мужчиной роли отца-кормильца, четкое гендерное разделение родительских ролей и вторичную по сравнению с материнской функцию отца как помощника в ежедневном уходе за ребенком;

- транзитивный или переходный, где основными смысловыми точками являются рефлексия отца относительно его роли в семье, его попытки взять на себя часть «женских» обязанностей (зачастую под давлением матери), связанные с этим трудности и сомнения в своей компетентности, желание быть активным и ответственным отцом;

- постмодерный, которому присущи значительное участие отца в ежедневных практиках ухода и воспитания, равное разделение родительских обязанностей, паритетный, удовлетворяющий обе стороны внутрисемейный договор.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

В целом, несмотря на появляющийся в России либеральный тренд перехода к новым, «вовлеченным» родительским практикам, негативный, «узкий» дискурс отцовства, оставшийся с советских времен, до сих пор влияет на самоощущение и мировоззрение отцов. Современная семья во многом остается «пространством борьбы», причем борьбы разнонаправленной - борьбы за выживание и за власть, борьбы за эгалитарный гендерный порядок, борьбы с дискриминацией мужчин в сфере родительства и с устаревшими традиционными установками относительно ролей отца и матери или, наоборот, борьбы за сохранение этих установок.

Мартынов И.А. Кузовкин Г.В.

НИИЦ Мемориал, г. Москва

Александр Солженицын и Андрей Сахаров: две модели визуальной [авто]биографии

В эмблематике позднесоветского нон-конформизма у Александра Исаевича Солженицына и Андрея Дмитриевича Сахарова нет сопоставимых конкурентов. При том, что именно они самые узнаваемые «лица» диссидента в СССР, у каждого из них своя визуальная история. Облик засекреченного физика стал достоянием советской и мировой общественности гораздо позже, чем портреты писателя. Портрет Солженицына смогли увидеть миллионы людей уже в 1963 году на обложке популярной «Роман-газеты», а фото Сахарова лишь десятилетия спустя в совсем других контекстах.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Подробную историю иконографии двух ключевых фигур инакомыслия в СССР еще предстоит написать. В докладе мы представим замысел нашего исследования. Не ограничиваясь презентацией идеи, мы рассмотрим корпус фотографий, который с полным правом можно отнести к жанру фото(авто)биографии – это иллюстрации к воспоминаниям Солженицына (Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом... М.: Согласие, 1996.) и Сахарова (Сахаров А. Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990). Это позволит коснуться вопроса, как и в какой мере герои выстраивают собственную визуальность.

Альбомы-вклейки — подборки преимущественно любительских фотографий из личных архивов — присутствуют в мемуарах обоих героев, но играют совершенно разную роль в автобиографическом нарративе.

Любительская фотография создается и существует в контексте практик рассказывания. Вне коммуникативной ситуации не только затрудняется вербализация, но и часто становится невозможна интерпретация. Такая картина вырисовывается для «Воспоминаний» Сахарова, где, вопреки ожиданиям, визуальный ряд не иллюстрирует текст. Тем не менее, сказывается то, что основным средством создания значения в фото-альбоме являются другие фотографии в серии. Визуальный ряд «Воспоминаний» может считываться как нарратив трансформации (мальчик—ученый—правозащитник—диссидент), где герой (А. Д. Сахаров) манифестирует свою субъектность посредством взгляда в объектив («пустой знак» местоимения «я» в визуальном

языке Фотографии). Здесь сосуществуют два автобиографических нарратива: вербальный, зафиксированный в тексте мемуаров, и визуальный, представленный на обособленной фото-вклейке.

Кардинально иначе строит визуальную автобиографию А. И. Солженицын. Если Солженицын и выстраивает визуальный нарратив, то за него говорят вещи, фон, позы и жесты. Сам Солженицын здесь почти никогда не смотрит в объектив (даже на снимках явно нерепортажного жанра), нивелируя собственную субъектность, будто теряется в обилии прочих персонажей. Писатель выстраивает визуальный нарратив о себе как о Другом. Такая модель позволяет Солженицыну выстраивать собственную автоиконографию не только вербальными, но и визуальными средствами. Эта иконография формирует пул означающих «диссидента» и «нон-конформиста» в советской и западной визуальности.

Это находит свое отражение в знаменитом самиздатском бюллетене — «Хронике текущих событий». Фотографии Солженицына, часто изымаемые при обысках (фиксируется с 1969), становятся особым культурным маркером.

Аннотация на английском языке: The paper studies the visual autobiographies of A. Solzhenitsyn and A. Sakharov by means of semiotic analyses. The approach allows to reveal the two models of building up the visibility of the late-soviet nonconformist, as well as their impact on iconography of a dissident and the pool of signifiers of «dissident» and «nonconformist» in soviet and western visibility.

Мартынова Л. А.

Член Чеховской комиссии АН, г. Москва.

**Трансформация или углубление: образ А.П.Чехова в
автобиографической литературе современников.**

Л.А. Авилова «А.П. Чехов в моей жизни»

Воспоминания Л.А. Авиловой о Чехове были представлены широкому кругу читателей в 1947 году в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников» и с того момента не раз были перепечатаны во всех сборниках «Чехов в воспоминаниях современников» и в книге «Рассказы и воспоминания» Авиловой (1984). Появление «мемуарного романа» Л. Авиловой было сенсационным и резонансным как для чеховедов, так и для читающей публики не только в России, но и за рубежом. Отзывы Бунина (1955) и материалы 68 тома Литературного наследства (1960), посвященного Чехову, легитимизировали тему «Чехов и Авилова» в интерпретации Авиловой. Однако до сего времени не было попыток рассмотреть мемуарный текст Авиловой подробно, всесторонне, в историко-литературном и жанрово-стилистическом аспекте. Вопрос о том, что происходит в тексте воспоминаний - трансформация или углубление образа Чехова- остается актуальным и сегодня. Для решения этого вопроса в докладе рассматривается история создания «мемуарного романа» Авиловой: сравниваются тексты 1910 и 1940; определяется роль дополнительных текстов

(например, «Тысяча девятьсот четвертый год» и др.); обращается внимание на авторское изменение жанрового определения. Отбор материала мемуаристкой обусловлен только «встречами» с Чеховым, поэтому структура «биографического романа» отрывочна, точечна, но хронологически линейна, без обратных перспектив и вставок. Каждую встречу Авилова помещает в основу сюжета определенной «новеллы», (которой можно даже дать название), из которых и складывается сюжет взаимоотношений Чехова и Авиловой. Она описывает их, используя весь арсенал беллетриста: наличие интриги, устойчивого мотива, сюжетных ходов и др. В исследование включаются и другие автобиографические записки Авиловой и проводится многоаспектный лексический и стилистический анализ текстов для выявления приемов самоидентификации автора и создания ею образа центрального героя – Чехова, который, однако, уходит на второй план, так как для Авиловой важнее воспроизвести эмоциональный фон и дать определенную интерпретацию произошедших событий (выявляются специфические эмоциональные маркеры автора), нежели воссоздать объективный образ Чехова. Это невозможно еще и потому, что Чехов представлен в основном через диалоги, но по определенным причинам - речь Чехова не индивидуализирована, это скорее речевой портрет автора мемуаров, нежели вербальный портрет «центрального героя». Проведенный анализ и соотношение эмоциональной и содержательной ткани «А.П.Чехов в моей жизни» Авиловой и ее переписки с Чеховым, показывает, что, опираясь на

реальный биографический факт, она создает биографическую легенду, делая ее фактом своей литературной биографии.

Abstract: Transformation or intensification: a figure of an A.P. Chekhov in autobiographical literature of contemporaries. L.A. Avilova "A. P. Chekhov in my life".

In the report the text of memoirs is analyzed by Avilova in historico-literary and genre-stylistic aspect. History of creation of Avilova's memoir novel is provided in the report as well. The author of the report consider the question of creation of an image of Chekhov in literary consciousness and Avilova's world: its stylistic, lexical, semantic and emotional features. Transfer process of the real biographic fact in a biographic legend is studied in the article. Other autobiographical texts of Avilova, and also her correspondence with Chekhov are involved in the research.

Масленникова А. В.

студентка МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

**Черты пространства и времени как средство
характеристики «абстрактного автора» в романе «Дар»**

В.В. Набокова

В 1919 году семья В.В. Набокова вынуждено эмигрирует из советской России. Именно в эмиграции была написана большая часть романа «Дар». В центре романного повествования — наделённый автобиографичными чертами Фёдор Годунов-Чердынцев. Одна из тем, ярко выступающих на первый план в романе — это тема воспоминаний о покинутой Родине. Она так или

иначе соприкасается с темой пространства и времени, которая прослеживается на протяжении всего романа и становится одной из ведущих. Принимая во внимание тот факт, что для самого В.В. Набокова как для эмигранта, человека, жившего на смене эпох, эта тема сама по себе на протяжении многих лет оставалась актуальной, было бы интересным рассмотреть с оборотной стороны её реализацию в романе «Дар», а именно: как в тексте отразилось восприятие пространственно-временных категорий самим писателем-эмигрантом.

В. Шмид [В. Шмид: 2003, «Нарратология»] вводит термин «абстрактный автор». Согласно В.Шмиду, автор всегда появляется в тексте произведения, в том числе, вне зависимости от собственной воли, имплицитно. По прочтении у читателя так же автоматически складывается определённое представление об этом «закадровом авторе», некий «образ-конструкт» [В.Шмид: там же].

Предметом данного исследования является изучение особенностей изображения в романе пространства и времени, а также имплицитных черт затекстового автора, которые могут реализовываться в тексте посредством его внутритекстовых представителей: нарратора или героя романа В.Набокова «Дар». Затем на основе проведённого анализа и общеизвестных биографических сведений о самом В.В. Набокове постараемся воссоздать образ так называемого абстрактного автора.

Эти неявные самопроявления затекстового автора будут рассмотрены в двух аспектах: лингвистическом на базе книги Е.В.

Падучевой «Семантические исследования»/ «Семантика нарратива» [Е.В. Падучева «Семантические исследования», гл. II “Семантика нарратива», М. 2010, стр.198-270] и литературоведческом: теория топографического хронотопа, разработанный П.Тороппом [П. Торопп «Словарь литературоведческих терминов и понятий»]. С лингвистических позиций объектом изучения станет анализ самореализации повествователя в тексте сквозь призму пространственно-временных средств референции, а именно, рассмотрению таких дейктические средств, как глагольное время и вид, а также наречия времени. Так, в тексте романа «Дар» В. Набоковым достаточно часто используется aukториальная форма, или нарратив 3-его лица (т.е. есть безличный повествователь). А с литературоведческой точки зрения, одной из характерных особенностей топографического хронотопа романа предстают некоторые повторяющиеся локусы. Например, одним из чрезвычайно важных как для Фёдора Константиновича, так и для затекстового автора локусов оказывается Отчизна: «Благодарю тебя, Отчизна, за чистый...» [В.Набоков «Дар», М.,1988,стр.10].

Итак, актуальность и новаторство данного исследования состоят в попытке посмотреть на изображение времени и пространства в романе «Дар» В.В. Набокова с позиций имплицитного затекстового автора.

Минеева И.Н.

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

II Мировая война в юношеском дневнике В.А. Горной: травма — образ — нарратив

1.1. Виулена Арнольдовна Горная родилась в 1924 году. Войну В.А. Горная встретила в Одессе. В августе 1941 года была эвакуирована в Узбекистан. 9 мая 1945 году находилась в Ленинграде. Когда по радио передали сообщение о капитуляции Германии, «все мы выскочили на набережную Невы. С кораблей зазвучали торжественные марши ... но никто не кричал «ура», не пел песен. Радость победы омрачалась мыслями о страшных утратах, потере близких и разорении страны ... Кончилась война, жизнь постепенно налаживалась, но эры благополучия и достатка никто не ждал. Страна была истерзана и обескровлена, и мы понимали: нужны десятилетия для возвращения к нормальному бытию».

1.2. О чем умалчивал во время войны дневник молодой девушки? В сделанных В.А. Горной записях содержатся размышления о том, что такое война, родина (идеологическая, семейная/ «бабушкина»), голод, правда, ложь, книга, бюрократия в эвакуации, что такое фашизм, кто такой друг, кумир и враг. Дневник отражает картину взаимоотношений между русскими, евреями и узбеками, включает сведения о культуре европейской и среднеазиатской частей страны, судьбе «врагов народа» (дворян, ссыльных профессоров), вузов и т.д.

Между тем все зафиксированные в дневнике впечатления, рассуждения были порождены единственным желанием молодой девушки — желанием выжить, сохранить свою идентификацию. Важную роль в ее самосохранении и спасении в условиях нищеты, голода, одиночества сыграла книга. Она всегда появлялась в жизни В.А. Горной тогда, когда подступали боль, голод, болезни, недомогания, скука. Книга ассоциировалась в сознании молодой девушки с жизнью, радостью и спасением от смерти. Чаще всего В.А. Горная осознанно выбирала произведения отечественных и зарубежных авторов (как входящих в круг официальных и запрещенных), в которых фигурировали герои молодые, сильные, самостоятельные, свободолюбивые, гуманные. Подобный выбор придавал молодой девушке силу, энергию, уверенность в себе и давал надежду на продолжение жизни и возможность мечтать.

2. Особого внимания заслуживает такая особенность ведения В.А. Горной записей, как частое переключение языкового регистра. Описывая то или иное событие, человека молодая девушка легко переходила с русского языка на английский с целью сохранения сакральности/ интимности мысли, впечатления или, напротив, создания игривой, ироничной, озорной интонации. Так, 28 ноября 1941 года она пишет: «Читаю автобиографическое произведение М. Горького «Мои университеты». Ахметов have given me hundred and 50 p. Уж подходит отчет, but he have not money. What I must to do?» или 28 февраля 1942 года: «Лина спекла лепешки из смеси $\frac{1}{4}$ муки 3 сорта и $\frac{3}{4}$ жижига. Это желтая мука, которая идет на удобрение

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

почвы. I was afraid to eat them, But I eat». Еще пример. 15 апреля 1942 года: «My aunt Eva is a very trustful woman. Мне просто противно делается, аж тошнит от этого» т. д

Михайлова М.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Рампаццо Кьяра, аспирант,

университет г. Падуа (Италия)

**Автобиографический компонент в эпистолярной литературе: письма
Г.И. Чулкова к жене и возлюбленной.**

Abstract: The epistolary heritage of G.I. Chulkov, a Russian writer of the early XX century, whose destiny was particularly involved with the cultural and social panorama of Russian Silver age, gives the chance to examine the role of private letters applied to autobiographical studies. Letters are an undoubted rich source of biographical details, as in their pages are sometimes fixed details, that do not find any trace in official documents. Authors will analyse writer's private letters addressed to his wife Nadezhda Grigor'evna and his beloved Lyudmila Lebedeva in order to investigate their autobiographical component. A parallel reading of these two correspondences will help to understand and clarify the writer's personal "inner" development.

Частные письма деятелей культуры дают богатейший материал в плане восстановления их подлинной биографии, поскольку содержат порой сведения, не зафиксированные в официальных документах. Дело в том, что деятель культуры – человек «о двух

лица» – он и частное лицо, и лицо, представляющее собою общественную личность, для «функционирования» которой обычно сознательно или бессознательно творится автомиф, или создается определенный «имидж», в согласии с которым и протекает внешнее существование такого человека. Особую ценность в отношении публичных лиц приобретает частная переписка в том случае, когда мы имеем в ней интерпретацию происходивших в одно и то же время конкретных фактов, которые, однако, преподносятся людям, по-разному связанными с пишущим. Именно такой случай имеет место в корпусе сохранившихся в архивах неопубликованных писем яркого литератора Серебряного и первой трети XX века Георгия Ивановича Чулкова (1879-1939), судьба которого примечательна тем, что он была во многом определяема катаклизмами и кризисами, пережитыми Россией на сломе эпох. Из писем, обращенных к жене Надежде Григорьевне и писавшихся на протяжении почти 40 лет (общее количество около 600), и более чем 50 писем к возлюбленной, Людмиле Михайловне Лебедевой, охватывающих последние 15 лет его жизни, выясняются многие детали биографии писателя, становятся понятны его рефлексии на окружающее как человека, писателя и гражданина. Это позволяет сделать выводы, касающиеся характера взаимоотношений этой неординарной личности со временем и человеческим сообществом. Параллельное рассмотрение двух корпусов писем помогает понять, что он считал подлинно важным, что составляло его суть как «внутреннего» человека.

Наумова М.М.

*студентка школы культурологии ФГН НИУ ВШЭ,
г. Москва*

**Детские свидетельства о себе в журналах
«Пионер» и «Чиж» 1930-х г.**

В фокусе моего внимания находится процесс подготовки советских школьников к будущей войне, который проявляется в перестройке нарратива журнала, появлении чётких дефиниций, которые позволяют безошибочно определить человека к категории «своих» или «чужих», а также ответный отклик пионеров, что позволяет говорить о принятии и согласии с идеями.

Мир, в котором живёт школьник, и который для него создаёт журнал, обладающий авторитетом и репутацией идеологически правильного и верного, вращается вокруг концепций «врага», «индустриализации» и «пятилетки», «братства народов Советского Союза», «памяти о прошлых победах» и «жизни в капиталистических странах», на фоне которых читатель должен сделать вывод, что он живёт в справедливой, развивающейся стране, свободной от классовых предрассудков, гендерного неравенства. Однако общество имеет проблемы, которые могут быть в ближайшее время преодолены с помощью упорства рабочего класса и победы над «вредителями», которые проявляют себя на разных уровнях: от кулаков, борющихся с советской властью, до партийных лидеров, которые оказались предателями и сторонниками контрреволюции. Читатель благодаря

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

подобным маркерам сразу находит себя включённым в двойственную систему, где ты либо товарищ и друг, либо враг и предатель родины.

Журналы «Пионер» и «Чиж» являются в чём-то противоположными журналами: первый издавался издательством «Правда» (одно из полных названий: Объединённая типография издательства ЦК ВКП(б) «Правда» имени тов. Сталина), другой печатался издательством «ДЕТГИЗ» (первый главный редактор – Самуил Яковлевич Маршак); первый объединял политический журнал и художественный, второй акцентировался больше на выпуске художественных рассказов и статей о природе, жизни страны; первый был ориентирован на пионеров, а второй – на октябрят и дошкольников. Но вместе с тем основные темы – индустриализация, коллективизация, борьба с врагами, патриотические рассказы о красоте родины – присутствовали в обоих журналах, разница была в интенсивности пропаганды и том, чего ждали от читателя. Пионер был взрослым ребёнком, поэтому он виделся будущим работником в цеху, колхозе, а когда с середины 1930-х годов усилился военный дискурс, он стал потенциальным солдатом и защитником родины. Октябрёнок – ученик младших классов школы, поэтому содержание журналов было более простым, там не было пересказов съездов и речей Сталина, акцент был на воспитании любви к родине, свободе и человеколюбию, поэтому существовавшая в обоих журналах критика капитализма, была мало представлена. Однако, это справедливо по отношению к первой половине 1930-х годов.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

С середины 1930-х годов военный нарратив усиливается и переходит в стадию поиска внутреннего врага, с одной стороны, и планомерной подготовки к будущей войне с одним из блоков, сформировавшихся после Первой мировой войны, с другой стороны, который поддерживает и «Пионер», и «Чиж». Если раньше в журналы дети присылали рассказы о своих проблемах, быте, природе, то теперь призывы становятся более воинственными, хотя по-прежнему видна воинственная направленность «Пионера» (с 1935-1936 года и по 1939 намечается тенденция к формированию клубов, где школьники могли бы научиться владеть оружием, об своих подвигах они пишут в разделе «Почта») и миротворческая – «Чижа» до 1937 года (дети собирали с помощью журнала деньги, чтобы отправить их нуждающимся в Испанию через рубрику «Умная Маша»), после его направленность была изменена в связи с разгромом редакции «Чижа».

Пендюрина Л.П.

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

Научная автобиография В. Гейзенберга:

понимание Я и концепт основных идей

Работы Гейзенберга не являются автобиографическими в точном смысле этого слова. Это не мемуары, не воспоминания, не записки, и не дневники. Это научные статьи, в которых объясняются ключевые вопросы теории квантовой механики, методология естественнонаучных исследований, а также побуждения, которые

определили научный интерес Гейзенберга. Пожалуй, только сборник статей «Часть и целое» может претендовать на автобиографическое описание: в нем в большей степени, чем в других работах последовательно раскрываются те события жизни, которые породили интерес Гейзенберга к физике и научной деятельности. При этом читатель этих статей и докладов скоро сознает, что узкоспециализированная деятельность, детально излагаемая Гейзенбергом, представляет собой событие, в котором преломляется вся западная культура 20-х-60-х годов XX века, и понимание этого этапа невозможно без учета интеллектуальной деятельности, которую проводил Гейзенберг. Для самого же Гейзенберга теория квантовой механики является реконструкцией жизненной программы и собственного развития. Через призму того нового, что было сделано им в физике осмысляются все процессы научной, политической и культурной жизни. Он рассматривает науку как средство взаимного понимания народов, поднимает проблемы соотношения гуманитарного и естественнонаучного образования, обосновывает свое понимание материи, фиксирует изменение структуры мышления, говорит о роли абстракции в науке и искусстве, ставит вопрос о естественнонаучной и религиозной истине, дает яркие зарисовки характеров тех ученых, писателей и философов, с которыми он встречался.

В его статьях теория квантовой механики является и следующим шагом в объяснении мира, и развитием его жизненных принципов и мировоззренческих и моральных установок. Поэтому философия

Платона, побудившая Гейзенберга к занятиям физикой и математикой, привлекает его не только потому, что задает понимание структуры материи, но и обосновывает метафизические основания бытия человека, а принцип совпадения единого, благого и истинного, без которого невозможна картина природы у Гете, понимается им как единственно возможный компас, по которому человек должен ориентироваться в поисках своего пути.

Все статьи, опубликованные Гейзенбергом, являются автобиографическими еще и потому, что они воспроизводят контекст трудной и противоречивой эпохи двух мировых войн, в которой ему пришлось жить. В его статьях, посвященных этому периоду нет жестких политических оценок происходящего. Гейзенберг воспринимает фашизм в Германии как катастрофу, и уверен, что необходимо пережить этот режим. В каждой стране случаются социальные потрясения и войны, и эмиграция – это выбор и ответственность за него каждого человека. Но для Гейзенберга включенность в традицию немецкой культуры и европейского мыслительного пространства определяет его поступки и задает специфику его собственного способа бытия.

Попова А. В.

Донецкий национальный университет,

г. Донецк, Украина

**Особенности реализации исповедальной интенции в
«Истории моей жизни» Жорж Санд**

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

The report represents confessional reflection implementation forms in the narrative strategies of George Sand's memoirs. In the process of polemizing with the narrative patterns suggested by Rousseau and Chateaubriand, she is shown as the creator of her own autobiographical text, where truthful self-report by no means contradicts the author-female's dignity or public moral standards. The influence of Rousseau's self-analysis tradition and religious confession practices upon the principles of biographical facts selection and their organization within the text has been investigated, the correlation of George Sand' reflections upon the confessor's personality with the image of her ideal reader being established. The undertaken research results in the statement that formally refusing any confessional forms, the author of *Histoire de ma vie* accepts Rousseauist self-analysis techniques adapting them to the reader's perception shaped by a different cultural epoch.

Публикация «Исповеди» (1770) Ж.-Ж. Руссо и последующее изобретение романтиками жанра исповедального романа послужили причиной широкого распространения исповедальной рефлексии во французской литературе XIX века. Проникла она и в мемуарно-автобиографические жанры, изначально предполагающие жизнеописание автора (более или менее откровенное) от первого лица. В автобиографическом пакте, открывающем «Историю моей жизни» (1855), Жорж Санд, сравнивая мемуарную и автобиографическую модели повествования о себе, относит свое сочинение ко второму типу, упоминая в качестве

предшественников двух авторов «Исповедей» – Блаженного Августина и Ж.-Ж. Руссо. Вместе с тем, сочинение женевого философа становится главным объектом полемики автора. Дистанцируясь от опыта своего предшественника и учителя, Жорж Санд еще раз напоминает о намерении говорить только о том, что относится непосредственно к ней и отказывается заострять внимание на постыдных фактах реальной жизни. ИмPLICITно критическому анализу подвергается и прямо противоположная автобиографическая стратегия – поэтическая апология в духе Шатобриана. Не называя имен, Жорж Санд иронически уподобляет уверенного в своем величии самосозерцателя безумцу, вообразившему себя солнцем: «Le pauvre fou qui se prend pour le soleil et qui, de sa triste loge, crie aux passans: Prenez garde à l'éclat de mes rayons!» (ч. V, гл. II). В пространстве между этими двумя формами мемуарно-автобиографического дискурса Жорж Санд выстраивает собственную повествовательную стратегию: она пишет «книгу нужную, безопасную и благопристойную, не тщеславную, равно как и не подлую» (из письма Ш. Пеги, 14 декабря 1847 г.)

При внешнем отрицании исповедальности, в книге, на лексическом уровне, ощущается влияние как руссоистской традиции самоанализа, так и практики религиозной исповеди. Жорж Санд именно «анализирует» себя («s'analyse»), исследуя свои мысли и чувства в разные периоды жизни. И в то же время, говоря о своих чувствах и поступках, она столь же часто употребляет глаголы «examiner», «avouer», «rendre compte» и «s'accuser», принятые в

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

церковном обряде исповеди (именно в таких терминах описывается процесс подготовки и проведения исповеди в «Руководстве к таинству покаяния», изданном в Лионе в 1841-м году).

Еще одна тема, связанная с исповедью, это личность исповедника. В «Истории моей жизни» от противного формируется образ идеального исповедника, который может быть интерпретирован также как образ идеального читателя – адресата книги воспоминаний. Автобиографическое повествование Жорж Санд ориентировано на «читателя-друга», обладающего мирочувствованием, близким автору или совпадающим с ним – благовоспитанного, с чувствительным и добрым сердцем. А само повествование строится по модели исповеди, но не канонической, а такой, какой она видится Жорж Санд – непринужденной дружеской беседы, искренней и открытой, но при этом не задевающей нравственного чувства собеседников, ничего не приукрашивающей и не обнажающей постыдных тайн, полезной как для самого автора, так и для читателей.

*Почкаев Р.Ю. НИУ ВШЭ,
г. Санкт-Петербург*

**«Миссия в Хиву и Бухару» графа Н.П. Игнатьева: роль
одного дипломата
в среднеазиатской политике России по его собственным
мемуарам¹³**

¹³ Исследование проведено в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016-2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих

Граф. Н.П. Игнатьев (1832–1908) в молодости сделал блестящую карьеру в качестве дипломата и государственного деятеля. Однако в 1882 г. в возрасте 50 лет был отправлен в отставку и больше практически не играл никакой роли в политической жизни Российской империи. Стремясь в какой-то мере «реабилитировать» себя в глазах общественности, он взялся за воспоминания о своей деятельности в качестве дипломата, всячески стараясь преувеличить свою роль во внешней политике России. Причем нередко он это делал за счет критики и преуменьшения заслуг других лиц, включая и давно умерших ко времени написания мемуаров. Одним из ярких примеров подобного подхода является сочинение «Миссия в Бухару и Хиву» (1897 г.), в котором граф Игнатьев описывает свое посольство в Хивинское ханство и Бухарский эмират в 1858 г. и подробно объясняет причины ее неудачного завершения.

Сочинение представляет собой интерес, поскольку содержит ценные наблюдения относительно противоречий центральных властей и региональной администрации по поводу политики Российской империи в Средней Азии, важную информацию о политическом и правовом развитии среднеазиатских ханств, а также некоторые обоснованные соображения автора об особенностях отношения России с Бухарой и Хивой в середине XIX в. Однако, вместе с тем, Игнатьев значительно преувеличивает свое

значение и свой статус в отношениях с властями Оренбургского края, дает отрицательные (а порой даже и грубые) характеристики конкретным представителям региональной администрации (в частности, самому генерал-губернатору А.А. Катенину, начальнику Аральской флотилии А.И. Бутакову), чтобы подчеркнуть в глазах читателя собственные таланты и достоинства, приписывает себе многие успехи российской политики в регионе в период осуществления своей дипломатической миссии и, напротив, во всех неудачах винит других, пользуясь тем, что большинства этих лиц ко времени написания мемуаров уже не было в живых.

Необъективность сведений Н.П. Игнатьева становится очевидной на основе сравнения сведений его сочинения мемуарного характера с его же собственными отчетами непосредственно по итогам экспедиции, в которых он совершенно иначе излагал ситуацию и оценивал результаты своей миссии. Также совершенно по-другому представляют события 1858 г. спутники Игнатьева (многие из которых, кстати, после окончания миссии предпочли продолжить службу в Оренбургском крае). Наконец, стоит отметить, что и сама миссия по ее окончании отнюдь не была оценена властями как неудачная – подтверждением тому служит последующая карьера самого Игнатьева, награждение его спутников и других участников миссии.

Таким образом, записки графа Игнатьева по содержанию и стилю представляют собой яркий пример собственной апологии и преувеличения собственной роли в государственной жизни страны,

что в полной мере объясняется его полной и несправедливой, по его мнению, отставкой и, соответственно, крахом карьеры.

Abstract: Mission to Khiva and Bukhara” by Count N.P. Ignat’ev: the Role of One Diplomat in the Central Asian Policy of the Russian Empire based on his own memoirs

Count Nikolay Ignat’ev (1832–1908) rose very rapidly early in his life at diplomatic and state service but at the age of 50 he was retired and his role in the political life of the Russian Empire came on the end. Because of unfair (on his own mind) retirement he decided to “rehabilitate” himself in his own memories where he in every way overestimated his role in the Russian policy and blamed others for all mistakes and failures. One of the best examples of his memoirs is “Mission to Khiva and Bukhara” (1897) about his embassy to the Central Asian khanate in 1858. In this work Ignat’ev thought highly of his own actions and belittled services of representatives of the Orenburg regional administration.

*Родионова Н.А.,
НИУ ВШЭ, г. Москва*

**Сакральное и профанное в переписке генерала А.А
Брусилова с женой периода Великой войны.**

Неопубликованная переписка А.А. Брусилова с женой периода Великой войны (ГА РФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 59, 60, 70) даёт богатый материал для уточнения не только некоторых фактов биографии полководца этого периода, его личностных качеств, но и

иллюстрирует морально-психологический настрой полководца и его окружения, позволяет судить о психологии человека на войне. Переписка близких людей предполагала высокую степень искренности их авторов и свидетельствует об активизации религиозности в экстремальных условиях войны.

Переписка супругов Брусиловых продолжалась на протяжении 4 лет войны, прерываясь на короткие посещения Н.В. Брусиловой мужа на передовой.

А.А. Брусилов свою роль в войне определяет как «священнодействие» и оправдывает совершаемые им «человеческие жертвоприношения» борьбой с врагами отечества во имя его процветания. Дихотомия «свой – чужой» прослеживается в демонизации врага и сакрализации роли русского солдата, проливающего кровь за святое дело. Генерал Брусилов ощущает свою причастность Божественной Правде и потому верит в неизбежность победы, иначе была бы поколеблена онтологическая правомерность этого Бытия. Психологическое напряжение, связанное с отправкой людей на смерть, снимается религиозными обрядами, молитвами, исповедью. В роли исповедника выступает жена. В письмах, адресованных жене, перед лицом смерти А.А. Брусилов рассуждает о Боге, о смысле жизни, о своём предназначении, которое он считал предопределённым Свыше, призывает молиться о победе русского оружия. Война заставляет Н.В. Брусилову, выросшую под влиянием родной тётки Ел. Блаватской в атмосфере спиритических сеансов, в увлечении

теософией и оккультными знаниями, обратиться к традиционной религиозности.

Надеясь дожить до победного окончания войны, генерал думает и о земном, мечтает о счастье с любимой женщиной, которой признаётся в любви в каждом письме, делится с ней не только чувствами, но и служебными заботами, своими взглядами. Война для профессионального военного воспринималась и как вполне естественная сфера человеческой деятельности, в том числе как средство реализации собственных карьерных устремлений и возможность заработать, так как Брусилов принадлежал к многочисленному слою представителей русского генералитета, не имевших никакой недвижности и живших за счёт жалования. Служба в армии была единственным источником существования генерала, и деньги, заработанные пролитием крови, он ценил и умел считать. Значительное место в переписке занимают рассуждения супругов о том, как обеспечить себя в старости. Надежда Владимировна Брусилова особенно ревностно относились к признанию заслуг мужа, всячески рекламировала его достижения. Людям своего окружения она даёт неллицеприятные характеристики, без всякого снисхождения к их слабостям. Христианское терпение и смирение было свойственно ей в меньшей мере, чем её мудрому супругу.

Переписка супругов Брусиловых добавляет важные штрихи к мировоззрению полководца, штрихи, сквозь которые рельефно проступает облик православного человека, патриота и вместе с тем

милитариста, рыцаря войны, для которого война была естественной сферой человеческой деятельности.

Thomas Rollings,
приглашенный исследователь
НИУ ВШЭ, г. Москва

The Romantic Scholar: The Self-representations of Chernyshevsky as a Student

Nikolai Chernyshevsky (1828-1889) was a leading radical critic in Russia at the time of the emancipation of the serfs (1861). In the Soviet period he was hailed as an inspiration behind Socialist Realism due to his authorship of his famous novel *What is to be Done?* (1863). In a reaction to this Soviet narrative, scholars have recently explored his clerical background as the son of a provincial priest and identified tensions between his biographical example and his ideological worldview. While acknowledging these areas of ongoing re-assessment, my research seeks to avoid relating to Chernyshevsky's legacy through the prism of his reception in Russian culture. Rather, using the evidence of his student ego-documents I will consider how the study of his self-representations as a student can shed new light on his later career.

Firstly, I will review his profile as a *raznochinets* (non-aristocratic) young scholar who worked on extra-curricula academic projects for his philology professor (I.I. Sreznevsky). Important references to these early

literary studies appear in his discussion of his mature philosophical ideas but have so far been missed by scholars, leading to misplaced assertions of his deterministic, scientist worldview. Secondly, I will identify his conviction in the romantic axiom of the unity of the writer and the man, as epitomised in the figure of Goethe. Here Chernyshevsky's *raznochinets* focus on pressing everyday demands channelled his discussion of this unity towards his concept of realism and the portrayal of the everyday. By retrieving his earlier cult of friendship, cultivation of himself as a writer and his underlying belief in the role of art as an alternative source of spiritual and ethical values I will clarify that he advocated a nuanced account of realism that allowed for individual psychology and creativity. Overall I will suggest that his self-representations of scholar and romantic were interwoven and reconciled in a process of critical self-inquiry that merits further study.

Рощин М.Ю.

институт востоковедения РАН, г. Москва

**Переплетение жизни и науки на страницах
автобиографической записки В.А. Иванова (1886 – 1970),
видного востоковеда и собирателя восточных рукописей**

В своем сообщении я собираюсь подробно проанализировать автобиографическую записку В.А. Иванова (1886 - 1970), видного русского востоковеда, большую часть жизни прожившего на Востоке: в Иране и Индии. Исследователя всю жизнь сжигала страсть: поиск новых, не известных науке рукописей. Она толкала его все дальше и дальше на Восток, наложила неизгладимый

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

отпечаток на его жизнь и привела к фундаментальным открытиям в области исламоведения, связанным с публикациями рукописей исмаилитов и исследовательскими работами по их истории. Текст автобиографической записки хорошо отражает личностные особенности автора.

В.А. Иванов стал в 1918 г. эмигрантом поневоле. 15 мая 1918 г. Азиатский музей в Петрограде командировал его в Бухару для сбора рукописей. Там в то время уже начиналось басмаческое движение, и, как сообщает сам Иванов, он «получил дипломатический паспорт от Советского Представительства в Бухаре и выехал 3 июня 1918 г. в Персию». В Иране он оказался без денег, но смог в марте 1919 г. устроиться переводчиком в британский отряд генерала Диксона (East Persia Expeditionary Force, Quetta Division), выдвинутый в Иран для патрулирования ирано-афганской границы. Вскоре он оказался в Индии и с 1928 г. начал сотрудничать с местными исмаилитами и с их имамом Ага-ханом III. Сам В.А. Иванов писал об этом так: «Уже в ранних моих попытках исследования суфизма я замечал, что многое в нем «упирается» в явные влияния исмаилизма, а потому очень им интересовался». Он стал основоположником научного изучения рукописного наследия исмаилитов. Это был чистый служитель науки, чуждый политики. Несмотря на свои скитания В.А. Иванов продолжал себя считать старым сотрудником Азиатского музея и свою автобиографическую записку за четыре года до смерти он написал в Тегеране по-русски.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

Abstract: I am planning to analyze in my report the autobiography of Vladimir A. Ivanov (1886 – 1970), a known Russian specialist in the study of Isma'ilism. He was described by I. Krachkovskii as a “fanatical lover of manuscripts”. He had spent most of his life in Iran and India, but had written his autobiography in Russian. This text reflects well personal traits of the scholar.

Рыбина М.С.

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, г. Уфа*

**«Ленинградская тетрадь» Р.Г. Назирова как проект
автобиографии**

Ромэн Гафанович Назиров (1934-2004) – выдающийся отечественный филолог, литературовед, известный исследователь творчества Ф.М. Достоевского. После смерти учёного осталось огромное количество материалов от практически готовых словарей и энциклопедий до дневников и художественной прозы, часть из них была издана силами учеников.

«Ленинградская тетрадь» содержит датированные записи, относящиеся к лету-осени 1952 года (фрагменты опубликованы в журнале «Нева», №6, 2014). Сам факт временной дистанции (64 года) уже придаёт им статус исторического документа. Автор, которому на момент создания дневника 18 лет, упоминает о многих событиях политической истории от стачки металлургов и предвыборной кампании в США до XIX съезда КПСС. В «Большом

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

времени» он предстаёт классицистическим героем, утверждающим, в духе эпохи, необходимость подчинения индивидуального «чувства» надличному «долгу», исторической необходимости. Интересно отметить, что представления о собственном будущем в меньшей степени подвержены влиянию данной модели и скорее напоминают «наполеоновский сюжет».

Своеобразие этого текста заключается, на наш взгляд, ещё и в том, что он воспринимался пишущим как «проба пера» (литературная лаборатория). Текст дневника обнаруживает следование литературным образцам и стремление к конструированию идеальной модели автобиографии, которая в свою очередь должна стать жизненной программой автора.

События собственной жизни и впечатления выстраиваются в соответствии с сюжетом «романа карьеры»: приезд молодого провинциала в столицу, интерес к истории Французской революции и «наполеоновские» планы. Девиз Растиньяка «Parvenir!» (первая запись от 2 июля 1952 г.) указывает на то, что это моделирование отчасти осознанное. Однако «бальзаковский» миф большого Города сложно соотносится с реалиями позднесталинской эпохи. То, что замечает или, по крайней мере, хочет видеть молодой человек (мир музеев, библиотек, военный парад, антикварные магазины на Невском и Литейном, описание Маринки, лишь однажды названной театром оперы и балета им. С.М. Кирова) в большей степени отсылает к литературным прототипам, чем к реалиям советской эпохи. Это противоречие подготавливает центральный конфликт

«частного» и «всеобщего», поразившую героя «насмешку судьбы» и, наконец, развязку в духе «Утраченных иллюзий».

Идея целостного замысла находит выражение в поэтике «начала-конца»: для описания путешествия и истории поступления в университет куплена новая тетрадь, но, несмотря на оставшиеся страницы, дневник не продолжается. Событием, которое актуализирует подведение итогов и завершает сюжет «карьеры», становится возвращение в Уфу.

«Ленинградская тетрадь» прочитывается и как «портрет учёного в юности»: юношеский глаз отметил то, чему впоследствии исследователь посвятит статьи и книги: мифология культуры, соотношение легенды и бытовых подробностей в восприятии исторических личностей, интерес к переломным эпохам (Иван Грозный, Пётр I, Французская революция, Наполеон).

Рымаренко О.С.

аспирант РГГУ, г. Москва

**Диалоги между текстами – автобиографии выдающихся
физиков в контексте популяризации науки и научной
деятельности**

Проблемы распространения научного знания и создания благоприятного образа научной деятельности и учёных остро встали в середине XX века. В связи с научной революцией, которая привела, в частности, к созданию атомной бомбы, наиболее распространённым образом учёного, эксплуатируемым в

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

художественной литературе и кинофильмах, стал учёный-монстр, гений, не задумывающийся о последствиях своей деятельности. Раскол между обществом и учёными продолжает увеличиваться с проникновением науки на субатомный и макроуровни, что привело к трудности вербализации получаемого объективного знания и передачи его не-учёным, и задачи объяснения научных достижений и сути научной деятельности в XX в. взяли на себя выдающиеся деятели науки.

В фокусе моего исследования – автобиографии четырёх немецких учёных – обладателей Нобелевской премии, чья творческая активность пришлась на конец XIX – первую половину XX вв.: это «Научная автобиография» (впервые опубликованная в 1950 г.) Макса Планка (1858-1947), «Автобиографические заметки» (1966 г.) Отто Гана (1879-1968), «Моя жизнь и мои взгляды» (1968 г.) Макса Борна (1882-1970) и «Часть и целое» (1958 г.) Вернера Гейзенберга (1901-1976). Несмотря на то, что эти учёные относятся к трём поколениями, все четверо принадлежат к одному социальному полю учёных, и каждое из «Я» учёного связано с «Мы-группа» – тексты находятся в диалоге и можно наблюдать перекрёстные референции между ними.

Учёные создают привлекательный образ научной деятельности: наука для них – это творчество, способ получения философского удовлетворения от раскрытия сокровенных тайн природы (Борн, 1973), возможность «разыскать то абсолютное» (Планк, 1958), которое составляет законы мира; они рассказывают об

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

академических поездках, «интернациональности науки» (Борн, 1973) и эффективности общения, так как «наука возникает в диалоге» (Гейзенберг, 1989). Романтизм усиливается благодаря рассказам о деятельности в «гуманитарно-художественном» (Гейзенберг, 1989) поле: Макс Планк, Макс Борн и Вернер Гейзенберг были одарёнными музыкантами, писали стихи и занимались переводами, Отто Ган увлекался искусством и играл на гитаре.

Философские аспекты науки, её смысл и значение, а также проблемы ответственности учёных перед обществом, пожалуй, занимают центральное место в автобиографиях. В текстах, а все учёные соглашались, что «теоретическая физика есть подлинная философия» (Борн, 1973), мы находим рефлексию на темы желания познать законы мира, важности неявного знания в научном поиске и ответственности людей науки не только за прогресс в познании мира, но и за прикладное применение новых знаний.

Размышления учёных в этих проблемных полях говорят о несоответствии их образов из мира читательской энциклопедии, созданных в попкультуре, с теми образами, которые предстают в результате прочтения автобиографий учёных реального мира.

Abstract: The Dialogues Between The Texts – The Great Physicists' Autobiographies In The Context Of Popularization Of Science And Scientific Activity

The article is dedicated to analysis of the representations of the scientists and scientific activity in the autobiographies of four great

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

scientists Max Plank, Max Born, Otto Hahn, and Werner Heisenberg. The author analyzes the different facets of the representations, pays the special attention to philosophical and ethic aspects of the approaches, and argues that the images of scientists that emerge in pop culture and the images of scientists and science from the real world don't match.

*Салихова А.Б. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
Itaya Tomoaki, University of Tokyo*

**Автобиографическое в памяти о пространствах:
идентичность, феноменология и функции воспоминаний¹⁴**

Образы памяти о местах и пространствах, связанных с представлениями о себе и имеющих своим источником личное прошлое, могут рассматриваться как особая функциональная единица автобиографической памяти. Впервые в явном виде вопрос о сопряженности идентичности с различными физическими пространствами ее формирования и реализации был поставлен в экологической психологии с введением понятия *place identity* (идентичности с местом), которая представляет собой одну из подструктур целостной самоидентичности (Proshansk H.M., 1978).

Квинтэссенцией культуральных представлений о месте, связанном с идентичностью, является не имеющее лексического

¹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти» (№15-36-01045).

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

аналога в русском языке японское понятие *genfukei*, обозначающее образ памяти о лично значимом, прототипическом месте (Oh S., 2007). Г. Прошанск настаивал на идентичности с местом как на совершенно специфичном типе идентичности, отличном от социальной, что впоследствии вызывало множество возражений. Напротив, С. Ох рассматривает *genfukei* как в контексте персональной идентичности (персональное *genfukei*), так и в контексте социальной (местное и национальное *genfukei*).

Задачей проведенного нами исследования стало изучение возможности транспонирования *genfukei* на психологический опыт русскоязычных респондентов. Выборку составили 83 испытуемых, которым было дано определение явления *genfukei*, а затем предложено найти в их личной памяти воспоминания, соответствующие трем видам *genfukei*, и описать их. Было выявлено, что персональную идентичность наиболее часто поддерживают воспоминания о даче, родительском доме, доме бабушки, местах уединения и отдыха; идентичность жителя своего города – воспоминания об историческом, публичном центре города, парках и обывденных, но лично-значимых пространствах; национальную – образы Красной Площади, русских лесов и полей, природных и архитектурных достопримечательностей, а также дорог, поездов и аэропортов.

Образы памяти о пространствах, связанных с разными видами идентичности, в разной степени (критерий Уилкоксона, $p < 0,01$) выполняют функции создания и поддержания само-протяженности

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

и регуляции поведения ресурсами автобиографической памяти, выявленные при помощи модифицированного опросника «TALE» (Bluck S., 2011). Они также различаются по своим феноменологическим характеристикам детализированности, яркости, эмоциональной интенсивности, положительности, ностальгичности. Содержательно различные пространства обладают индивидуальной структурой взаимосвязи феноменологических и функциональных характеристик воспоминаний о них.

Таким образом, автобиографические воспоминания, конструирующие и поддерживающие идентичность с местом, включающиеся в персональную и социальную идентичности, во-первых, хорошо дифференцируются респондентами и, во-вторых, различны в содержательном, феноменологическом и функциональном аспектах.

Abstract

The research focused on autobiographical memories of the subjectively important and identity-supporting spaces termed in Japanese by word "genfukei" (original scape). In a Russian-speaking sample consisted of 83 persons, it was shown that personal identity mostly supported by memories of the "dacha", parents' or grandma's houses, and places for retreat and relaxation; the local identity – by memories of historic, public city centers, parks and the everyday, but of personally-meaningful spaces; national identity – by images of Red Square, Russian forests and fields, natural and architectural attractions, as well as roads, trains and airports. Images of spaces, associated with

different types of identity and performing different functions in the structure of autobiographical memory, differ in their phenomenological characteristics, such as number of details, vividness, emotional intensity and valence, and nostalgic experience. Spaces differing in content have a unique, individual structure of interconnection between the phenomenological and functional characteristics of memories about them.

Салманова И.Ф.

*Белгородский государственный институт
искусств и культуры, г. Белгород*

Феномен Льва Толстого-автобиографа

В работе предпринята попытка определить многообразное и творчески развивающееся наследие Л.Н. Толстого как единый автобиографический текст. Автобиографический дискурс в данном случае не сводится или не равен некоему суммированию (комплектованию) отдельных автобиографических жанров (дневники, переписка, мемуары, исповедь, литературная автобиография, автобиографическое начало художественных текстов), наличествующих в толстовской жизни и творчестве; он может быть определен как сложное сосуществование и взаимодействие указанных жанров в пределах времени жизни. Объединяющим началом этого «временного» дискурса становится «Я» Толстого-художника, мыслителя, педагога, исторического деятеля, семьянина, сосредоточенного на самопознании и самосовершенствовании и, как следствие, на познании человека и

смысла (истины) его существования. «Я хочу познать себя всецело», - написал девятнадцатилетний Толстой, не изменивший этому стремлению до конца своих дней и неустанно фиксирующий как отдельные моменты своего развития («расширения души»), так и важнейшие сдвиги во внутренней перестройке, кардинально меняющей всю его жизнь.

Стремление «писать свою жизнь» в непрерывном хронологическом течении также никогда не покидало Толстого. «После Гете мы не знаем личности, так хорошо документированной внутренними и внешними наблюдениями», - отмечал С. Цвейг, считавший, что самонаблюдение Толстого «становится *этически-религиозным* самоизображением». Хронологический принцип был чрезвычайно важен для Толстого (время написания «Воспоминаний»), разделявшего свою жизнь то на «семилетия», их было двенадцать, то на «периоды», их было четыре; в последние годы он делил свою жизнь на «фазисы», их было три.

Хронологический принцип, несмотря на его важность в автобиографическом повествовании, оказывается все-таки недостаточным. Одним из первых исследователей это подметил В.Б. Шкловский в книге «Лев Толстой», указав на то, что «когда пишешь биографию, то трудно в жизни писателя отделить то, что было в таком-то году, от того, как это бывшее было понято через много лет». Может быть именно это объясняет тот факт, что написать собственную автобиографию целостно, в хронологическом «порядке» Толстому не удалось, несмотря на многочисленные

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

попытки; поэтому он ограничился лишь отрывочными воспоминаниями.

Свои «Первые воспоминания» он начал писать 5 мая 1878 года. На этом пути его ждала неудача, трудно совместимая с его литературным гением. «Чем дальше я подвигаюсь в своих воспоминаниях, тем нерешительнее я становлюсь в том, как писать их. Связно описать события и свои душевные состояния я не могу, потому что не помню этой связи и последовательности душевных состояний». Не в состоянии вместить историю жизни, свой душевный мир в хронологические рамки, Толстой отмечает: «Буду продолжать, как придется. Когда кончу эти описания, поведу уже рассказ по времени, хотя и не связно, урывками...».

В 1903 году Толстой, помогая Бирюкову, который взялся написать его биографию, еще раз пытается написать? воспоминания своего детства, осознавая всю трудность данного повествования. Задача вновь оказалась неподъемной. Воспоминания наполнены пометами автора, спорами с самим собой и фактами собственной биографии. Очевидно, что ни один факт не предстает перед ним в «голом» виде, сам по себе, как метка времени. Автор бесконечно продолжает анализировать себя и свою жизнь, всматриваясь в то, что уже свершилось, по сути, занимаясь не восстановлением событий, а их новым переживанием и созиданием.

Таким образом, недостаточность хронологического анализа в автобиографии осознавалась, с одной стороны, самим писателем, с другой стороны, его биографами и толстоведами. В восприятии

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

целостности толстовского автобиографического дискурса необходим иной подход: не столько хронологический, сколько исповедально-диалогический, заключающийся во временной переключке автора с самим собой - прошлым и настоящим, «маленьким» и «большим». Эту способность В.В. Бибихин называет непрерывным «вглядыванием в себя», «смотрением за собой» в изменчивости и неизменности при наличии главных оценок – хорошо и плохо, верх и низ, санкция или нет; формированием в себе теоретиканаблюдателя, способного сиюминутное подключить к вечному. Эта способность Толстого – вступать в диалог с самим собой в разные периоды собственной жизни – объединяет все формы автобиографического повествования (дневники, переписку, записные книжки, «Исповедь», автобиографизм художественных произведений) в некую живую структуру (единый дискурс), воссоздающую целостность жития Льва Толстого.

*Солоед К.В.,
институт практической психологии
и психоанализа, г.Москва.*

Психоаналитический метод в исследовании автобиографий людей, пострадавших от репрессий в СССР и нацистской Германии.

Психоаналитический метод представляется важным и точным инструментом для исследования автобиографического материала.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Предлагаемые в докладе наблюдения и выводы сделаны во время анализа интервью с жертвами сталинских репрессий (2003 г, совместно с Институтом Зигмунда Фрейда, Франкфурт) и во время работы с автобиографическими интервью бывших советских граждан, угнанных на принудительные работы в Германию, в рамках проекта «Нагрудный знак Ост», (2016, совместно с Freie Universität Berlin).

Психоаналитический метод помогает нам лучше понять аспекты, связанные с бессознательными содержаниями и импульсами респондентов, лучше тематизировать материал, выявить типичные механизмы защиты, стратегии совладания с тягостными переживаниями, описать последствия переживания респондентами травматичного опыта прошлого. В докладе будут проанализированы следующие аспекты автобиографий людей, которые пострадали от репрессий в СССР и во время принудительного труда в нацистской Германии:

- Связь между общей атмосферой в стране и в конкретном месте, где проводится интервью, с мотивацией участия.
- Субъективное (бессознательное) значение интервью для самого респондента в контексте его жизни и отношений с другими людьми.
- Переживания участника во время интервью, в том числе, по отношению к интервьюеру, (перенос), и основные волнующие его темы в прошлом и настоящем.
- Переживания интервьюера во время интервью (контрперенос).
- Понимание ситуации (или сцены) интервью как момента, в котором воспроизводятся типичные паттерны поведения и переживаний

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

(объектные отношения) с важными персонами в прошлом, прежде всего, с отцом и матерью (с первичными объектами).

- Анализ свободных ассоциаций (самой речи, ее особенностей, прерываний, молчания, упоминаемых в интервью ссылок на литературные произведения и другое).
- Анализ невербальных проявлений (в случае видео).

На примерах, взятых из конкретных автобиографических интервью будут показаны возможности психоаналитического метода при интерпретации автобиографического материала.

Терещенков Л. Е.

*Российский государственный исторический архив,
г. Москва*

Метод «вызывания воспоминаний» в практике Истпарта.

События двух революций 1917 г. и последующей гражданской войны кардинально изменили пространство работы с прошлым. Существовавшая до той поры монополия профессиональных историков на познание предшествующих эпох была серьезно подорвана появлением новых акторов со своим пониманием структуры прошлого, значимости его отдельных элементов и собственной повесткой дня для работы с ним. История самого недавнего прошлого, тесно связанная политически с настоящим (это своего рода «история настоящего»), стала писаться от лица

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

различных политических партий или частными, но неизменно политически ангажированными, лицами.

Одним из характерных примеров этого была деятельность Комиссии по изучению истории революционного движения и гражданской войны при ЦК РКП(б)-ВКП(б), которая призывала участников российского революционного движения и событий 1917-1922 гг. отразить непреходящую ценность своего опыта и дать собственную трактовку исторического развития.

Истпарт – это скорее определенный метод создания мемуаров во многом противоположный классическому русскому дворянскому мемуару XIX – нач. XX вв. Русский дворянский мемуар - это автор и его время. Мемуар Истпарта – это событие и то, как информанты, участвуя в нем, формировали себя, как новых людей в новой общности. Поэтому создавались такие тексты преимущественно в коллективе. Индивидуальные записи выполняли лишь вспомогательную функцию. Роль Истпарта и истпартовских воспоминаний очень важна для понимания становления советской субъективности именно в связи с событиями революции и гражданской войны и практическим участием в нем создателя воспоминаний. Будучи, по сути, ветеранской организацией и базируясь на личном опыте участников, Истпарт мог обеспечить формирование не только историко-революционного дискурса, но модели его носителя.

Рефлексия видных членов партии по поводу существования историко-партийной работы приходится на 1920-1924 годы. Основным

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

политическим вопросом в это время был вопрос о завершении революции. Это напрямую относится и к Истпарту. Если революция еще не завершена, то требуется тщательная проработка опыта ее участников, составление своего рода хрестоматии «Как делать революцию». Если же революция победно завершилась, необходимо найти ее истоки, показать развитие, выявить закономерность. А главное разрабатывать коммеморативные практики; вспоминать, а не повторять.

Черепанова Р. С.

*(Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск)*

**Автобиографический текст как предмет нарративного и
дискурсивного анализа**

Неизбежный вопрос, который возникает у исследователя при работе с любого рода автобиографическими текстами – мемуарами, дневниками, устными биографическими интервью – это вопрос об оттенках и градусах авторской субъективности. Известно, что оптимист и пессимист по-разному опишут одну и ту же ситуацию, отберут в свой рассказ разный набор фактов, используют различные образы; но и слушатель-оптимист воспримет чужую историю совершенно не так, как слушатель-пессимист. В случае с анализом биографических текстов коммуникация между рассказчиком и реципиентом протекает еще сложнее, и методика смысловых «поправок» должна быть еще тоньше, поскольку:

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

- прошлое не «хранится» в памяти, а каждый раз конструируется с ее помощью, со всеми неизбежными погрешностями в передаче данных;

- процесс конструирования прошлого чрезвычайно зависит от внешних раздражителей (разъясненная исследователем цель интервью, формулировка и последовательность вопросов, сам внешний вид, возраст и поведение интервьюера; обстоятельства настоящего времени, в которые погружен респондент; не связанные с интервью переживаемые эмоции и аффекты, вплоть до впечатления от утреннего похода в магазин или тяжелого разговора с близким человеком; и даже его самочувствие, вплоть до приснившихся накануне интервью снов);

- коллективная память не существует в отрыве от индивидуальных воспоминаний, а значит, необходимо каким-то образом учитывать влияние субъективных факторов на общий исторический нарратив;

- наконец, самостоятельным игроком в деле конструирования прошлого выступает язык, дискурс, в который помещена речь респондента. Поскольку человек думает и говорит на том языке, теми стилистическими и риторическими фигурами, которым его научили, то любое явление или чувство он сможет выразить только в той степени, в какой впишет его в свой привычный дискурс. А выражая свои мысли и чувства, будет неизбежно принимать в расчет и дискурс собеседника, в той мере, в какой сможет этот дискурс идентифицировать. Иными словами, респондент может попытаться

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

говорить на языке интервьюера в той степени, в какой он им владеет, от чего, естественно, аутентичность описания прошлого сама по себе становится сомнительной.

Мне показалось перспективным при работе с любым автобиографическим текстом, во-первых, атрибутировать его, как исторический нарратив, в соответствии с известной схемой Х. Уайта (в вид романа, драмы, сатиры или комедии); затем атрибутировать языки и стилистику текста (поскольку дискурс сам по себе задает логику и оттенки изложения); наконец, используя концепт биографического сценария личности, определить авторский сценарий (вполне развитый или существующий лишь в зачаточной стадии) конкретного рассказчика. Все вместе взятое – жанр, дискурс и сценарий – создает собственную логику повествования, сложно соотносящуюся с реальными жизненными обстоятельствами, в которые погружены рассказчик и его авторское «я».

Шаманаев А. В.

*Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург*

Н. Н. Мурзакевич «Автобиография»: структура, сюжеты, контекст

Представители русской провинциальной интеллигенции XIX в. редко писали масштабные мемуарные произведения. Это обуславливает особый интерес к «Автобиографии» Николая Никифоровича Мурзакевича (1806-1883) – историка, археолога,

преподавателя, администратора, одного из основателей Одесского общества истории и древностей. Использование принципов историко-антропологического подхода к изучению текстов личного происхождения позволяет осмыслить механизмы формирования личностного отношения к событиям, людям, культурным и социальным явлениям России первой половины XIX в.

Мемуары Н. Н. Мурзакевича были опубликованы отдельным изданием (1886) и в журнале «Русская старина» (1887-1889). Подготовку материалов к печати выполнил В. Д. Дабижа. Воспоминания охватывают период с 1812 по 1852 гг., отражают события 40 лет сознательной деятельности ученого. В предисловии издатель воспоминаний рассмотрел основные этапы карьеры и некоторые обстоятельства личной жизни мемуариста. Современные исследователи изучают биографию Н. Н. Мурзакевича в формате «*cursus honorum*» (И. В. Тункина) или анализируют его научные изыскания (А. А. Непомнящий, А. В. Шаманаев).

Н. Н. Мурзакевич придерживался хронологически последовательного изложения материала, акцентировал внимание на деталях, избегал (за редкими исключениями) характеристики масштабных явлений и процессов. Структура мемуаров соответствует основным периодам жизненного пути Н. Н. Мурзакевича на протяжении почти 2/3 его жизни: детство и юношество в Смоленске (1806-1825); обучение в Московском университете (1825-1829); педагогическая и научная деятельность в Одессе (1830-1852).

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Текст, включает многочисленные отступления, обусловленные жизненными перипетиями и желанием автора рельефно выразить свои впечатления от конкретных личностей, событий или явлений. Структура записок обусловила «пунктирное» развитие основных сюжетных линий: обучение в Смоленской семинарии; студенческие годы и защита диссертации в Москве; служба в Ришельевском лицее в Одессе; путешествия, научная работа; характеристики известных персон. Большой интерес имеет соотнесение сюжетов и конкретных ситуаций с историческим фоном эпохи. Воспоминания не были завершены и подготовлены к печати автором, что позволило сохранить непосредственность суждений и оценок их автора.

Abstract: N. N. Murzakevich "Autobiography": structure, topics, context

The paper is devoted to the analysis Nicholas Murzakevich "Autobiography" (historian, archaeologist, professor, administrator). The text was published as a book in 1886 and in the journal "*Russkaja starina*" in 1887-1889. N. Murzakevich describes the life from 1812 until 1852. The text contains much information about the events and phenomena of cultural, social and political life of the Russia in the first half of the 19th century. "Autobiography" reflects the deeply personal point of view. It's a valuable source of studying first-person accounts.

Шевчук Ю.В.

ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва

**Лирика А. Ахматовой 1950–1960-х годов: подведение
итогов жизни и творчества**

В лирике 1950–1960-х годов Ахматова подводит итоги жизни и творческой деятельности. Соответственно, она обращается к идее итоговой книги, задуманной еще в 1946 году, а впоследствии возникшей в планах как «Бег времени». Масштабность замысла требовала адекватной формы. Сборник строится на циклах (из стихотворений разных лет), через структуру которых автор стремится передать движение времени, логику судьбы, идею победы художника над властью. Ахматова строго подходит к отбору вариантов стихотворений, композиционно выверяет поэтические сборники прошлых лет. Автор выстраивает в трагический «сюжет» все пережитое и написанное. Ахматова выступает не только как поэт, но и как «скрытый» исследователь своего творчества, убежденный в том, что в XX веке культура принимает художника только вместе с его судьбой.

Автор указывает на то, что важными датами для судьбы героини и пути России были 1913 год (предвоенный), 1921 (год смерти Блока и Гумилева, а вместе с ними, по мысли поэта, и всего Серебряного века) и 1946 (послевоенный). События десятых годов анализируются как «предыстория» трагического века («Рисунок на книге стихов», 1958; «Имя (А.А.А.)», 1958; «Петербург в 1913 году», 1961). Двадцатые, тридцатые и сороковые годы Ахматова представляет как

время, когда в «сюжете» разворачиваются основные трагические действия: философски завершаются темы эмиграции («Из черных песен», 1961; «Родная земля», 1961) и страшной жизни в тоталитарном государстве («Так не зря мы вместе бедовали...», 1961; «Защитникам Сталина», 1962 и др.). Тема запретной любви стала поэтическим ответом на августовское Постановление 1946 года («Шиповник цветет», 1946–1964; «Не в таинственную беседку...», 1965). Любовь подчеркнуто сопряжена с мотивом творческой фантазии и сновидения («Во сне», 1946; «Сон», 1956; «Ты выдумал меня...», 1956 и др.). Ахматова противопоставляет пространство «наяву» и «во сне».

Постоянно возвращаясь к мотиву *земного судилища*, Ахматова создает «протокольный» вариант судьбы лирической героини («Подражание Кафке», 1960–1961; «Из Седьмой Северной элегии», 1964). Тему поэт «закрывает» мотивом *тяжбы с веком*, в которой правда осталась за героиней («И я не имею претензий...», 1963; «Для суда и для стражи незрима...», 1965). Понимая, что не поступилась нравственными принципами и смогла достойно принять испытания, Ахматова пишет о войнах, революциях и репрессиях с пафосом благодарного приятия судьбы. В самых последних поэтических строках поэта героиня наблюдает за судьбой, находясь уже «по ту сторону» смерти («Сама Нужда смирилась наконец...», 1966). Лирическая героиня была наделена автобиографическими чертами, а ее жизнь прописана как символ трагического и героического пути

личности в эпоху социально-исторических катастроф в России XX века.

Abstract: In lyrics of the 1950-1960th years Akhmatova has summed up the results of life and creative activity. The lyrical heroine has been allocated with autobiographical lines. Akhmatova has acted not only as the poet, but also as the "hidden" researcher of the creativity. The poet has pointed that important dates for destiny of the heroine (so, and her own human destiny) and ways of Russia were 1913 (premilitary), 1921 (year of death of Blok and Gumilev, and together with them, according to the poet, and all Silver age) and 1946 (post-war). Akhmatova has written about wars, revolutions and repressions in Russia the XX centuries with pathos of grateful acceptance of destiny, having connected tragic element and heroics.

Шуринова Н. С.

аспирант Института филологии, журналистики и

межкультурной коммуникации

ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

Косвенный адресат в «Дневниках странной войны» Ж.-

П. Сартра

В фокусе нашего внимания – военные дневники Ж.-П. Сартра и особая роль косвенного адресата, посредством которой реализуется авторское исследование своей личности в данном тексте.

Сегодня несомненным остается тот факт, что свободная форма дневника предполагает множество жанровых конфигураций и использование широчайшего диапазона разнообразных средств.

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики

Зачастую дневниковое высказывание определяется как автокоммуникация, но при этом не исключается и возможность чтения записей посторонним лицом, сам дневник сближается с эпистолярными жанрами (А. Жирар, Б. Галтье, Л. Н. Летягин, А. А. Зализняк и др.). Диалогичность дает возможность диаристу на страницах дневника вести разговоры с воображаемым или реальным собеседником, отображать чужие прочтения дневника уже в процессе его написания и активно реагировать на них. В результате второе лицо начинает проникать в дневниковую ткань, становится реципиентом авторской исповеди, организуя и структурируя дневниковое высказывание.

В этой связи интерес представляет особая роль косвенного адресата в военных дневниках Ж.-П. Сартра. На важность данного аспекта указывают многие исследователи его творчества (Ж.-Ф. Луэтт, Ж. Симон, Р. Болдюк и др.): отказываясь от интроспективного самоописания, Сартр стремился к выстраиванию своего экзистенциального проекта в режиме диалога с «Другим».

Проведенное исследование позволило нам выделить несколько способов введения косвенного адресата: имплицитный читатель, который может прочесть дневник спустя время; посвящение дневников С. де Бовуар; описания диалогов с читавшими дневник окружающими и размышления над ними.

В финале мы пришли к заключению, что косвенный адресат в военных дневниках является активной инстанцией, определяющей своеобразие сартровских дневников. Ориентация на диалогичность

Автобиографические сочинения в междисциплинарном
исследовательском поле: люди, тексты, практики

влияет на выбор повествовательной стратегии: возможность обсуждения идей и наблюдений, зафиксированных в дневнике, навязывает автору аналитическое изложение. Кроме того, косвенный адресат может манифестироваться как «персонаж» дневников, вмешивающийся в ход авторской мысли и структурирующий процесс самопознания.

Шушпанова З. В.

*аспирант 1 года школы философии
ФГН НИУ ВШЭ, г. Москва*

«Страданиям моим нет конца и нет меры...»:

трансформация религиозного чувства в

«Дневнике русской женщины»

Елизаветы Александровны Дьяконовой

Впервые «Дневник русской женщины» был опубликован в 1904-1905 г. после трагической гибели его автора, Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874-1902). Автор дневника - происходившая из русской провинциальной семьи (г. Нерехты Костромской губернии) дворянка, которая начала вести свой дневник в возрасте 11 лет и вела его на протяжении 16 лет, до конца своей жизни.

Страницы «Дневника» повествуют о судьбе, сложившейся нетипично для русской провинциальной дворянки конца XIX столетия. Будучи старшей из шести детей, Елизавете рано пришлось проявить твердость характера и самостоятельность. Ее детство и школьные годы проходят под гнетом жестокого и деспотичного

характера матери, прихотям которой противостоять в семье никто не смел. По окончании школы Елизавета принимает решение продолжать образование на Высших женских курсах, и, несмотря на противодействие со стороны матери, достигнув совершеннолетия, покидает родной дом и отправляется в Петербург.

В 1895 году она становится студенткой словесно-исторического отделения Бестужевских курсов, где знакомится с философией, историей, филологией и марксизмом. Оказавшись в Санкт-Петербурге последнего десятилетия XIX века, Елизавета внимательно и в то же время настороженно наблюдает за незнакомой для нее жизнью. Некоторое время она посещает встречи «Крестовоздвиженского православного трудового братства» Н. Н. Неплюева и даже задумывается над тем, чтобы посвятить свою жизнь миссионерской деятельности. Время обучения в Петербурге (1895-1899) – период, когда мировоззрение Елизаветы Дьяконовой постепенно видоизменяется. Будучи воспитанной в традиционно христианской атмосфере, зная с детства наизусть тексты Евангелия, уже в последние годы школьного обучения Елизавета открывает для себя произведения Л. Н. Толстого. В записях, охватывающих школьный период, это имя начинает упоминаться, автор восхищается произведениями писателя, но пока еще не может сформулировать свои собственные мысли, на поднятые Толстым темы.

Образование на Высших курсах открывает для нее новый мир. Размышление над книгами, достать которые было так трудно в

Петербурге, а в провинции – вообще практически невозможно, вводят в ее записи ряд новых вопросов, выходящих за рамки обыденного бытописания. Теперь наряду с описанием событий из собственной жизни, появляются размышления над религиозными темами, перемежающимися с вопросами о справедливости, конечной цели существования и смысла жизни.

В данном докладе предполагается исследование траектории, по которой происходила трансформация религиозного чувства Елизаветы Дьяконовой. Мысли о смерти, с первых страниц встречающиеся в дневнике, преломляются по-разному по мере того как происходит формирование мировоззрения автора. Жизнь Елизаветы Дьяконовой оборвалась при невыясненных обстоятельствах. Прояснить их не помогла и судебная медэкспертиза; А. Дьяконов, брат, издавший дневник, до конца был уверен, смерть сестры не может быть самоубийством – узнать это наверняка мы уже не можем. Но можем попытаться разобраться, к какому мировоззрению в конце жизни пришла Елизавета Дьяконова, и позволяло ли оно ей совершить этот поступок

Юшкова Е. В.

*кандидат искусствоведения,
независимый исследователь, Вологда*

**Псевдобιοграфия и реконструкция подлинной биографии:
Виктор Серов и книга “To whom it may concern” (1931)**

Книга “To whom it may concern (По месту предъявления)” является биографией Виктора Серова (1902 – 1979), пианиста, автора десятка жизнеописаний русских и французских композиторов, изданных в США в 1940-1960-е годы, и биографии американской танцовщицы Айседоры Дункан «The real Isadora», опубликованной в 1971 году также в США на английском языке.

Книга же «По месту предъявления» вышла задолго до всех остальных, написанных Серовым – еще в 1931 году, а автором ее значился известный американский журналист Моррис Роберт Вернер. Ее вполне можно было бы отнести к жанру биографии, однако с первых страниц читатель чувствует себя обманутым – повествование ведется от первого лица, хотя автором значится Вернер, и нигде не объясняется, почему, то есть книга претендует скорее на жанр автобиографии.

Кто же такой Виктор Серов и почему он, молодой человек тридцати лет, уже удостоился жизнеописания? Ответ мы находим в последней главе, посвященной Айседоре Дункан. Он был одним из последних близких друзей танцовщицы в 1920-е годы во время своей жизни в Париже. Как раз после ее смерти в 1927 году мемуары о Дункан хорошо продавались, и, похоже, жизненные обстоятельства Серова заставили его выйти на этот рынок, однако по каким-то причинам полноценных мемуаров не получилось (слишком много в тот момент еще было нельзя оглашать). В конце 1920-х Виктор эмигрировал из Франции в США и, похоже, нуждался в заработке. К

середине 1950-х Серов уже стал успешным американским писателем, издав биографии Шостаковича, Рахманинова, Равеля и Дебюсси.

Виктор Ильич до сих пор остается загадочным персонажем, и ни один из мемуаристов и биографов Дункан не создал мало-мальски внятного образа этого человека, ограничившись максимум несколькими строчками.

При знакомстве с книгой «По месту предъявления» возникает много вопросов. Совершенно очевидно, что книга писалась ради последней главы, посвященной Дункан. Однако данная глава занимает совсем небольшую часть книги, зато подробно образом рассказывается о детстве и юности Серова в Батуме, эмиграции в Константинополь, переезде в Вену, в Париж, о его сложных отношениях с роковыми и авантюристичными женщинами. Автор книги явно наделен литературным талантом, и все его удивительные приключения описаны ярко и живо.

Автор проделала большую исследовательскую работу, чтобы подтвердить гипотезу о том, что Серов написал эту книгу сам, чтобы выжить в Америке после переезда в эту страну. А Вернер, будучи известным журналистом и автором нескольких довольно своеобразных книг, согласился опубликовать ее под своим именем (возможно, предварительно отредактировав).